

Часть четвертая. «Герои национальной измены»

Еще ни разу Луиза не видела Париж таким! Город словно сошел с ума. Даже в дни самых великих праздников его улицы не были так заполнены людьми. Факелы и костры на площадях озаряли возбужденные лица дрожащим светом. На Гревской площади перед Ратушей, на площади Согласия и у Вандомской колонны, возле Бурбонского дворца на набережной д'Орсей невозможно было пройти.

Одни, отчаянно жестикулируя, призывали к немедленному провозглашению республики, другие запоздало кляли императора и его свору, третьи кричали о прусской угрозе, надвигающейся на Париж. И через каждые пять слов — Седан, Седан, Седан!

На улице Риволи, неподалеку от Лувра, Луизу задержала остервенелая толпа, избивавшая юношу в разорванной рубашке, — он, оказывается, утверждал, что читал правительственное сообщение о разгроме под Седаном.

— Он лжет, мерзкий прусский шпион! — кричал, тыча в юношу тростью, пожилой торговец или рантье. — Он предатель! Пусть покажет, мерзавец, где читал! Мы потащим прусскую падаль туда и, убедившись в его лжи, повесим на фонаре!

— Там! Я читал там! — показывал несчастный о сторону Тюильри.

Полуживого юношу потащили ко дворцу, и, увлекаемая толпой, Луиза через полчаса оказалась у степы, где, почти неразличимый в наступившей тьме, в стороне от газовых фонарей, белел высоко наклеенный бумажный лист. Кто-то скомкал и поджег газету и, подняв ее, осветил стену.

— Читайте вслух! — кричали из задних рядов. — Читайте же, черт побери!

И тот господин, который только что тыкал тростью в молодого человека, оседлав нос очками в золотой оправе, заикаясь, прочел:

— «Совет Министров Французскому Народу. Родину постигло несчастье. После трехдневной героической борьбы армии маршала Мак-Магона против трехсот тысяч неприятелей сорок тысяч были взяты в плен... Генерал Вимпфен, принявший командование вместо тяжело раненного маршала Мак-Магона, подписал капитуляцию... Император взят в плен во время боя».

Далее господин с тростью читать не мог. Заплакав навзрыд, уронив трость, он обессиленно привалился к стене, плечи его тряслись.

Людской поток повлек Луизу дальше, к высоким, ярко освещенным окнам дворца.

Что происходит сейчас за этими стенами, о чем совещаются осиротевшие служители Баденге? Ведь как бы они ни изощрялись, им не остановить волну народного гнева, вскинувшую Париж на гребень революции! Наконец-то Империя пала, наконец-то Франция вдохнет полной грудью воздух свободы!

Если бы не беспокойство о маме Марианне, Луиза в эту ночь не вернулась бы домой: любая ночь казалась короткой для такого всенародного праздника! И все же что-то мешало Луизе безоглядно поверить в неоспоримость победы. Может быть, то, что она увидела перед Тюильри и перед Бурбонским дворцом? С примкнутыми штыками, плечом к плечу выстроились здесь гвардейцы, полицейские и наемные убийцы — мобили, набранные из отребьев великой страны.

Домой пришла после полуночи, обнимала и целовала Марианну, и вместе они мечтали о завтрашнем дне, когда довольство и счастье войдут в каждый бедный дом, в каждую нищую лачугу. Ведь так немного нужно для счастья простому человеку: крыша над головой, кусок хлеба, спокойствие за жизнь детей.

Она боялась спать в эту ночь, боялась пропустить самое важное: рождение новой французской Республики на обесчещенных развалинах Империи.

Да и не одна Луиза Мишель так провела ту ночь. Тысячи парижан вообще не ушли с улиц и площадей, ожидая новостей, сообщений правительства, многие кабачки и кафе города не закрывались до утра.

Догорали на площадях костры, чадил брошенные на мостовую смоляные факелы, а окна во дворце Тюильри продолжали светиться, — там все еще не решались выйти к народу Парижа и сказать ему всю правду.

А правду Париж уже знал. Стало точно известно, что под Седаном не сорок тысяч французских солдат, а вдвое больше сдано генералами и императором в плен, что победные флаги Аустерлица брошены под сапоги завоевателей.

Рано утром прибежала Мари: только что заходил вернувшийся из поездки Теофиль, здоровый и невредимый, но с тяжелыми вестями. Воодушевленные победой под Седаном, прусские армии чуть ли не церемониальным маршем движутся на Париж двумя колоннами, через Лаон и Суассон и через Реймс. Стосемидесятитысячная армия Базена заперта в Меце, словно в мышеловке, осажены все важнейшие крепости на востоке стране: Страсбург, Туль, Фальсбург, Бельфор.

— Но Париж бошам все равно не взять! — запальчиво повторяла Луиза. — Республика вооружит народ и не пустит врагов сюда... А где же Тео, Мари?

— О-ля-ля! Разве не знаешь его, Луиза?! Помчался к друзьям, кричит, что надо штурмовать Сент-Пелажи, Мазас и Шерш-Миди, освободить политических узников, лишь при их участии может быть создано правительство, способное организовать отпор пруссакам! Побежал к Эжену Шатлену, а я — к тебе! Наше место тоже там, с ними!

День был воскресный, рабочие кварталы только пробуждались, и omnibusы еще не ходили. Но множество людей спешило к центру Парижа, к Ратуше и Бурбонскому дворцу: ведь если Империя пала и Баденге в плену, неминуемо провозглашение Республики.

Собрав по карманам серебряную мелочь, Луиза и Мари подхватили первый встретившийся фиакр и успели к Сент-Пелажи в решающий момент.

Теперь в переулках у тюрьмы и в помине не было зуавов и тюрокосов, жестоких и тупых, — в обострившейся обстановке префектура заставляла именно этих чужаков охранять политические тюрьмы.

Огромная толпа, в которой было немало женщин, бушевала у стен Сент-Пелажи. Перепуганные тюремщики заперлись изнутри, видимо надеясь, что их выручат полицейские и мобили. А десятка два бланкистов во главе с Шатленом и Ферре, раскачивая вывороченный из земли чугунный фонарный столб, били им в ворота, окованные полосами железа.

Пока Луиза и Мари старались пробраться сквозь толпу, ворота с железным грохотом рухнули. Оказавшийся за ними бледный дежурный по тюрьме дрожащими руками протянул Ферре и Шатлену связки ключей от коридоров и камер. Но ключей было множество, и никто ли ворвавшихся не знал, какие от каких дверей. Шатлен сунул ключи дежурному:

— Иди! Отпирай камеры! Да не трясись ты, тюремная крыса! Никто не собирается отнимать твою поганую жизнь!

— Дай ему хоть разок по харе, Эжен! — с веселым негодованием кричал кто-то. — Он же наверняка измывался над нашими!

Но сердито оглянувшись, Шатлен с осуждением покачал головой.

— Мы не какая-нибудь сволочная Империя, граждане! Республика никого не убьет без суда! Шагай, живодер! — И он с силой толкнул в плечо дежурного по тюрьме.

А за решетками окон, выходивших на тюремный двор, сотни узников кричали, махали кулаками и красными шарфами и платками.

— Рауль! Рауль! — надрывалась Мари, хотя не было, конечно, никакой надежды, что ее крик может быть кем-то услышан.

Луиза схватила за руку Мари, бежавшую вместе с сотнями других к тюремному входу.

— Пстой! Мы же заблудимся в этом каменном лабиринте! Можем пропустить Рауля! Давай подождем здесь.

— Ты права, Луизетта! — Мари остановилась, — Но если бы ты знала, как мне хочется его видеть!

— Сейчас увидишь!

Минут через десять из-за железных дверей стали выходить заключенные, к ним бросались друзья и родные: крики, слезы, объятия. И Луиза сама готова была расплакаться от небывалой радости, от любви к окружающим. Но ее привел в себя воинственный крик Рауля:

— Ау! Абу! Гражданка Луиза! Ну, разве не прях был Риго, предвещая, что скоро все монархи, архиепископы и попы полетят к чертовой бабушке?! Настал наш час!

Рядом с Риго Луиза увидела Антонена Дюбо, журналиста из «Марсельезы», а за Дюбо темпераментно жестикулировал Анри Рошфор, к его плечу прижималась семнадцатилетняя красавица дочь. В дверях во весь рост стоял, щурясь на солнце, Бенуа Малон. Простое, грубоватое лицо и густая борода во всю грудь придавали ему сходство с Курбе.

— В Ратушу! В Ратушу! — раздавались голоса. — Долой императорских министров, долой бездарных генералов! В Бурбонский дворец!

Словно могучий вихрь подхватил людей и понес по улицам Парижа к ненавистному гнезду Империи, к украшенному позолоченными орлами Тюильри. Сметен кордон полиции и муниципальных гвардейцев — и вот уже могучий Троэль, давний соратник Бланки, бросился к парадному входу, над которым полоскался на ветру трехцветный флаг. Но двери оказались заперты, и, недолго думая, Троэль, а за ним и другие кинулись к окнам, подставляя друг другу спины и плечи, вскарабкались на цоколь здания. Зазвенели осколки зеркальных стекол, и через пять минут настужь распахнулись все двери.

Протягивая руки, навстречу восставшим спешил сам председатель Законодательного корпуса Эжен Шнейдер. Но Шатлен, проходя мимо, как бы ненароком сбил с главы правительства украшенную плюмажем шляпу, а ошеломленный деятель, спасаясь, скрылся в одной из боковых галерей.

Вместе с Теофилом и Раулем Луиза и Мари прошли по пышным залам, украшенным картинами великих мастеров, уставленным инкрустированной мебелью, — здесь еще вчера заседали министры, продававшие и предававшие Францию. Большинство из них ночью и рано утром сбежало в Версаль. Кто-то видел, как императрица Евгения в сопровождении сестры генерала Бурбаки, выйдя из Лувра через решетку колоннады Перро, усаживалась в поданный ей фиакр.

— И кем бы, вы думали, он подан? — громогласно спрашивал Гастон Дакоста, размахивая шляпой. — Фиакр подан по приказу австрийского посла во Франции. Да, да! Разве этого недостаточно, чтобы убедиться, что все враги Парижа объединились в борьбе против его свободы!

— Да, увы! — сказал Ферре Луизе. — Парижу, безусловно, предстоит воевать на два фронта: против пруссаков и против своих предателей, которые скорее помогут захватчикам утопить Париж в крови, нежели позволят утвердиться Республике!

В «Зале потерянных шагов», на парадном столе, застланном небесно-голубой скатертью, блестящей золотыми пчелами, расставив ноги, ораторствовал Леон Гамбетта:

— Император низложен! Мы стоим у порога Республики!

Всматриваясь в торжествующее лицо Гамбетты, Луиза с недоумением спрашивала себя: да как же этот человек всего неделю назад со звериной яростью требовал убийства без суда Эда и Бридо?

Луиза тронула Ферре за локоть:

— Теофиль! А Эд, Бридо и четверо других смертников по делу Ла-Виллет тоже освобождены?

Он отрицательно покачал головой:

— Они в тюрьме Шерш-Миди. Но туда тоже отправились наши. Скоро все будут на воле!

После Гамбетты выступал седовласый Жюль Фавр. Пророчески воздевая руки, он призывал граждан к спокойствию, предлагал немедленно отправиться в Ратушу, ибо именно там по традиции всех революций Франция, должна быть провозглашена Республика!

На ступенях дворца Мари и Луиза остановились. Дюжие парни, вскарабкавшись по железным прутьям решетки, отдирали приклепанных к ним позолоченных чугунных орлов. Чудовищные, раскрыленные птицы с растопыренными когтистыми лапами под дружные крики «Эй, берегись!» с грохотом падали на отшлифованные миллионами ног каменные плиты. А молодой паренек, почти мальчишка, чудом взобравшись к знамени над входом, держась одной рукой за лепной выступ, другой отрывал от трехцветного флага белую и синюю полосы, чтобы на древке осталась только красная — флаг Республики.

Да, то был незабываемый день, словно резцом вырезанный в памяти Луизы. Позже, вспоминая о нем, она с трудом могла различить, чему сама была свидетельницей, а что запечатлелось в сознании с чужих слов.

Улицы и площади Парижа в людском половодье, разбитые вывески магазинов с гордым напоминанием «Поставщики двора Его Величества», разбитые эмалевые дощечки с названиями улиц, когда-то переименованных префектом Османом в честь императора и его прихлебателей. С моста Согласия четверо дюжих парней, раскачав, швырнули в Сену стационный с пьедестала бронзовый бюст Баденге. У Ратуши кто-то рассказывал, как губернатор Парижа генерал Трошю, в накинутом поверх мундира плаще, в низко надвинутой на глаза шляпе, удирал в Версаль. Его остановили у Нового моста, заметив под плащом звезды и ордена. Кто-то схватил под уздцы его коня и потребовал:

— А ну кричи: «Да здравствует Социальная республика!», генеральская сволочь!

И он кричал, кричал истово, и был рад, что остановившие его рабочие не знали его в лицо, не знали, что он — генерал Трошю, по чьему приказу в забастовщиков Парижа выпущены десятки тысяч пуль. Если бы узнали, его швырнули бы в Сену вслед за бюстом Баденге.

Генерала отпустили, но вскоре он столкнулся с Жюлем Фавром, — по словам того, в Ратуше должны собраться все, кто хочет спасти страну от «дурных страстей». Эта встреча и понудила Трошю повернуть коня к Гревской площади, где над башенкой Ратуши развевался красный шарф зуава, привязанный Эженом Шатленом к обыкновенной трости.

Многое из этого Луиза узнала позже, скитаясь по тюрьмам и плывя на «Виргинии», а тогда, полуслепая от счастливых слез, она чувствовала себя на седьмом небе, пела вместе со всеми «Марсельезу», кричала что-то, славя Республику.

На Гревской площади на ступенях старинной Ратуши Жюль Фавр обнимал доставленных из Сент-Пелажи Рошфора и Риго, обнимал Луизу и Теофиля, называя их «своими дорогими детьми», благословлял на служение народу. О, как она тогда верила ему, верила многим другим, клявшимся служить нации и Парижу.

Через полчаса, после совещания в тронном зале Ратуши, Жюль Фавр, выйдя на крыльцо, торжественно воздев руки, потребовал от многотысячной толпы внимания. Еще по-летнему теплый сентябрьский ветер развевал его седые апостольские кудри.

— Тише! Ти-ше!..

И когда площадь стихла, Фавр заговорил:

— Граждане Парижа! Дорогие граждане! Мы, избранники Парижа в Законодательный корпус Франции, в сей великий для родины час готовы принять на себя тяжесть ответственности за судьбу нации. У нас нет сейчас времени на проведение всеобщих выборов, прусские полчища движутся по стране, заливая ее кровью, оскверняя наши святыни. В час грозной опасности мы, депутаты Парижа, объявляем о создании Правительства национальной обороны, и каждый из нас клянется отдать все силы, всю жизнь делу защиты отечества!.. Позвольте мне огласить список членов нового правительства!

Под бурные крики народа Жюль Фавр провозглашал:

— Луи Жюль Трошю... Леон Гамбетта... Жюль Симон...

Когда он произнес последнее в списке, двенадцатое имя, сотни голосов принялись скандировать имена Делеклюза, Бланки, Флуранса...

Торжественно сложив на груди руки, Жюль Фавр минут пять стоял молча, потом вскинул их. И когда шум стих, сказал с проникновенной сердечностью:

— Дорогие братья! На предстоящих всеобщих выборах вы вольны выдвинуть любые имена. Но сейчас, в минуту нависшей над страной угрозы, разрешите напомнить, что названные мной члены правительства уже облечены вашим доверием как депутаты Парижа.

— Тогда введите в правительство Рошфора. Он — депутат! Он был бы избран, если бы его не упрятали в тюрьму.

— Рошфора! Рошфора!

И Жюль Фавр склонил седую голову, выражая согласие. Затем отыскал взглядом Рошфора, подозвал и, обняв за плечи, опять обратился к народу:

— Итак, вашей волею, граждане Парижа, Правительство национальной обороны создано и приступает к решению неотложных задач сопротивления врагу. И заверяю вас, дорогие братья, что ни один прусский сапог не ступит на святые камни Парижа!

Громоподобным криком тысяч и тысяч голосов покрыла площадь последние слова! Луиза кричала вместе со всеми, ее романтическая душа как бы парила на крыльях. Все представлялось безоблачным и прекрасным.

Но вечером, когда они с Мари забежали перекусить в «Спящего кота», оказавшийся там Теофиль остудил их патриотический пыл. Он одиноко сидел за угловым столиком и что-то писал, по обыкновению отгородившись от любопытных взоров цветочным горшком. Обрадовавшись приходу сестры и Луизы, отодвинул в сторону исписанные листки и, глотая полуостывший кофе, сообщил:

— Вернулся из изгнания Бланки, наш Старик! Будем издавать газету «Отечество в опасности», вот пишу для первого номера. Старик тоже считает, что перед лицом внешнего врага все должны объединиться и всемерно помогать правительству.

— Чем же вы недовольны, Теофиль? — спросила Луиза, почувствовав в его тоне сомнение. — Уж если «вечный узник» думает так...

Ферре не дал ей договорить:

— Э, не в Старике дело, мадемуазель Луиза! В нем я ни на секунду не могу усомниться! — Он сердито глянул на Мари. — Да не вертись ты, сестра! Сейчас твой ненаглядный явится. — И снова повернулся к Луизе: — Только что я говорил с Рошфором. Ему, как и мне и многим другим, весьма не нравится, что во главе правительства оказался генерал Трошю, который некогда клялся умереть на ступенях Тюильри, защищая династию! Может ли Республика вверять такому субъекту оборону страны? Конечно, кто-то из военных должен входить в состав правительства, но не такие же...

Ферре на секунду задумался.

— И еще... Сегодня получена телеграмма от Джузеппе Гарибальди. Он предлагает Франции свою шпагу и шпаги двух своих сыновей! Весь мир знает и чтит его как честнейшего

человека и отважнейшего полководца.

— Но ведь это прекрасно! — обрадовалась Луиза. — Именно такие, как Гарибальди, нужны сейчас Франции!

Ферре иронически улыбнулся:

— Согласен, Луиза! Но послушайте, что произошло! Когда Рошфор огласил телеграмму Гарибальди, Трошю поднялся на дыбы. «Мы не нуждаемся в иностранце для обороны Франции!» А когда Рошфор продолжил настаивать, Трошю заявил: «Если доверие вам внушал чужестранец, а не я, француз, мне остается вручить вам мою отставку!..» И представьте, большинство поддержало его. Каково? — Ферре опять помолчал. — Или, скажем, такой факт. Ставший членом Правительства национальной обороны Эмануэль Араго ни с того ни с сего вручает красно-синий шарф своему дядюшке: «Ты мэр Парижа, Этьен!» А тот известный пройдоха назначает мэрами во всех двадцати округах своих. Правда, это ему не везде удастся. Но разве сие не наводит на грустные размышления? А? Нет, пройдет немало времени, пока Республика наведет порядок и освободится от проходимцев.

Луиза смотрела с недоумением.

— Но ведь мэр — должность выборная! Нужно провести муниципальные выборы!

— Конечно! Но прежние мэры смещены, а захватившие власть депутаты приложат все силы, чтобы отдалить и всеобщие и муниципальные выборы. Им не захочется выпускать власть, пока не набьют карманы! Ой, Луиза, Луиза, до чего же вы еще наивны — большой и добрый ребенок! Вы всех судите по себе.

— А разве и вы не такой, Тео?

Он глянул на нее с пристальным вниманием.

— О, вы не знаете меня, Луиза! Если я когда-нибудь буду поставлен Республикой к власти, я буду беспощаден ко всякой мерзости и подлости, какой бы личиной они ни прикрывались.

— А я убеждена, Тео: вы-то и станете одним из вождей Республики! — твердо сказала Луиза.

— В вас есть все, что необходимо: отвага, честность, ум, принципиальность!

— Вы слишком добры ко мне, мадемуазель! — засмеялся Ферре. — Но надеюсь, вы не думаете, что я совершенно лишен недостатков?

— Ой, нет, Тео. Я знаю один.

— Какой же, если не секрет?

Луиза ответила не сразу.

— Вы, Тео, не замечаете тех, кто вас любит...

Это прозвучало как признание, и Луиза почувствовала, что краснеет. Но на ее счастье, в эту минуту Мари вскочила с радостным криком:

— О-ля-ля, Рауль! Мы здесь! Сюда! Сюда!

Риго тоже явился с ворохом новостей. Не задерживаемые никем пруссаки оккупируют департамент за департаментом, и объявленное в начале войны «осадное положение» перестанет быть для Парижа только символической формулой, завоеватели жестоко карают население там, где кто-то пытается оказать им сопротивление. Один баварский офицер в опубликованном газетами письме домой пишет, что его отряд сжег дотла пять деревень, а английские журналисты сообщают: «Можно без преувеличения сказать, что всюду, где в центре Франции проходят летучие немецкие отряды, их путь слишком часто отмечен огнем и кровью». Осажденные в Меце и Страсбурге армии без помощи извне вряд ли смогут прорвать кольцо блокады.

— Вот таковы последние известия, — заключил Риго. — И практически между Парижем и прусскими армиями нет заслонов!

— Значит, нужно вооружать парижан! — вскричала Луиза. — Дать ружья рабочим, студентам, женщинам! Собирать деньги и лить пушки!

— Будь моя власть, — заметил Риго, — я немедленно перелил бы на пушки все парижские колокола! И это стало бы единственной пользой, которую церковь может принести нации!

Складывая исписанные листочки, Ферре хмуро заметил:

— Боюсь, друзья, вы не учитываете всей сложности обстановки. Нынешние правители вряд ли решатся рекрутировать в Национальную гвардию рабочих и студентов.

— Следовательно, необходимо это изменить! В Париже около двух миллионов жителей, он может выставить армию не менее пятисот тысяч человек, — с прежней горячностью продолжала Луиза. — Я первая отдам на вооружение Парижа все, что у меня есть, до последнего сантиметра!

Попыхивая сигарой, Теофиль саркастически усмехнулся:

— Что же, пушечный король Шнейдер не откажется от ваших сантимов, Луиза. Да и прочие торговцы оружием не прочь заработать на обороне!

— Тогда необходимо отнять у них заводы! — Лицо Луизы покрылось гневными пятнами.

— А кто, по-вашему, это сделает? — по-прежнему усмехался Ферре.

— Правительство!

— Вряд ли вы дождетесь такого от нынешних правителей, мадемуазель! А теперь прошу извинить, я вынужден покинуть вас. Встреча со Стариком.

— Я с тобой, дружище! — поднялся Рауль. — Но я не разделяю твоего пессимизма! Национальная гвардия — единственная сила, которая способна защитить Париж. И как бы иные деятели ни боялись вооруженного народа, им придется его вооружить. Не зря же они именуют себя Правительством национальной обороны!

В ответ Ферре пожал плечами,

— Поживем — увидим!.. А наши дамы?

— О, у нас тоже встреча. С Андре Лео. — Пожимая руку Ферре, Луиза старалась понять, как отнесся он к ее полупризнанию, но он держался спокойно и непринужденно, как всегда.

— Да! — спохватился, улыбаясь, Риго. — Должен сообщить вам, что, кажется, сбудутся предсказания Бланки относительно некоторых моих талантов. Видимо, мне придется работать в префектуре вместе с Антоненом Дюбо. И я не советовал бы господину Дельво теперь встречаться со мной... Хотя он, вероятно, вслед за своими хозяевами сбежал в Версаль... Ну, до встречи! Мари, абу!

Андре Лео появилась сразу же после ухода Рауля и Ферре. Она тоже была взволнована и рассказала много нового. Дела с изданием женской газеты, безусловно, пойдут на лад, завтра же она займется ими вплотную. Правда, ее зовут сотрудничать в «Социаль».

— А пока, дорогие, у меня есть и еще новости... Во-первых, о вечернем заседании правительства. Обсуждался вопрос о защите Парижа в случае осады пруссаками. И знаете, что заявил наш главный стратег генерал Трошю? Вот его подлинные слова: «Попытка Парижа выдержать осаду была бы безумием. Несомненно, геройским безумием, но все-таки не больше чем безумием!» И это заявляет Трошю, который оттолкнул протянутую нам руку Гарибальди! Гнусное, подлое заявление, не правда ли?!

Андре села, нервно постучала ложечкой о край чашки. Гарсон принес ей кофе и бриоши.

— Целый день ни крошки во рту! — устало призналась она. — И, залпом выпив кофе, решительно отодвинула чашку, порылась в объемистом ридикюле.

— А вот что я записала на площади Кордери, где два часа назад закончилось грандиозное собрание. Парижане шлют воззвание на правый берег Рейна. Слушайте! «Ты сражаешься только с императором, а не с французским народом — так сказал и много раз повторяло тебе твое правительство. Человек, который развязал эту братоубийственную войну, но не сумел умереть и которого ты держишь теперь в руках, для нас больше не существует. Республиканская Франция призывает тебя во имя справедливости отвести войска, иначе нам придется воевать до последнего человека и пролить потоки твоей и нашей крови... Уходи обратно за Рейн!»

Андре читала все громче и не замечала наступившей в кафе тишины. Последние ее слова заглушил грохот аплодисментов. Будто очнувшись, она удивленно оглядела зал, еще не понимая, что аплодируют ей. А когда поняла, подняла руку с листком бумаги.

— Так парижский народ взывает к народу Германии! «Уходи обратно за Рейн», и дальше: «Пусть с берегов пограничной реки Германия и Франция протянут друг другу руки. Забудем военные преступления, которые деспоты заставили нас совершить друг против друга. Провозгласим: «Свобода, Равенство и Братство народов!» Заключив союз, мы зложим фундамент Соединенных Штатов Европы. Да здравствует всемирная республика!» — Андре Лео помолчала, пережидая аплодисменты. — Такова воля народа! А час назад на заседании правительства генерал Трошю заявил, что попытка оборонять Париж безумна!

— Позор! Позор! — сотнями голосов отозвался зал. Многие вскочили с мест, — в этот день, первый день Республики, все были предельно возбуждены. Однако какой-то солидный господин, размахивая цилиндром, попробовал успокоить разбушевавшихся:

— Но, господа, позвольте! Единственная железная дорога, захваченная бошами, — Северная, а на ней нашими саперами взорваны все тоннели на подходе к Ла-Ферте-су-Жуар. Пока немцы подойдут к Парижу, правительство сумеет организовать оборону! И не забывайте, у нас еще есть тринадцатый корпус генерала Винуа...

— Который так и не смог вовремя добраться до Седана! — насмешливо перебил молодой человек в студенческой каскетке. — Помолчали бы вы! У Винуа всего сорок тысяч штыков, а в Седане пленено вдвое больше, в мышеловке Меца захлопнуто около двухсот тысяч. Что может сделать ваш Винуа?!

— А Париж?! — горячо возразила Луиза. — Разве Вооруженный Париж не в состоянии защищаться?! Национальным гвардейцам уже раздадут шаспо и карабины!

— А-а! — отмахнулся студент. — Шаспо выдали, а патронов не дают. Не так?

Из-за соседнего столика на Луизу внимательно глянул лейтенант линейных войск с рукой на черной перевязи. В выражении его лица Луизе почудилось что-то подмеченное ею и в лице Камилла. Он хмуро сказал:

— Тот упитанный мосье говорит о взорванных тоннелях! Смешно! Немецкие уланы и гвардейцы скажут на сытых, резвых конях по многу миль в день, они с высоты своих седел плюют на железную дорогу! Помяните слово офицера, не позднее чем через две недели вы увидите немецкие железные каски!

— Прусская сволочь! — истошно завопил господин с цилиндром. — Шпион! В префектуру его!

Кое-кто подхватил этот крик, по раненый офицер оставался спокоен, лишь печально и снисходительно улыбался. Поднявшись, он сказал, не повышая голоса:

— Если бы вам, месье, довелось увидеть то, что видел я под Виссамбуром и Вёртом, вы бы не посмели кричать на меня! — Он посмотрел на крикунов с презрительным сожалением и, швырнув на столик серебряную монету, пошел к выходу...

И Луизе снова как бы пахнуло в лицо темным холодом, который она впервые ощутила, разговаривая с Камиллом. Лео положила ей на руку свою узенькую, но сильную ладонь.

— Спокойно, Луиза! Нельзя так бурно реагируя, на каждый пустяк, на каждое слово. Париж не даст себя в обиду!

— А вы, видно, Андре, позабыли апрель восемьсот четырнадцатого, когда русские казаки и то же пруссаки гарцевали на улицах Парижа?!

— Да, но тогда у нас была не Республика, а Империя Наполеона Первого. С тех пор минуло пятьдесят шесть лет, которые многому научили Францию!

— И поэтому-то она двадцать лет лизала лакированные ботфорты Баденге? — с раздражением отмахнулась Луиза. Но тут же заставила себя рассмеяться. — И что я, действительно, запаниковала? Все будет отлично!

А ночью, лежа в постели, она с горечью думала: «А не потому ли ты раздражена, что Теофиль или не расслышал, или не захотел расслышать твоего полупризнания? Нет, Луиза, не надо об этом, не надо распускаться, ведь ты же чувствовала, что именно так будет. У тебя уйма неотложных дел, ты всю жизнь мечтала о провозглашении Республики. Так отдай же ей все, что у тебя есть, включая саму жизнь!»

Позднее Луиза не раз говорила себе: как ни велика бывает радость, ниспосланная тебе судьбой, к радости неизбежно примешивается горечь. У каждой медали обязательно есть обратная сторона!

Свергнута тирания, Баденге холит стрелки своих знаменитых усов в Чихлехерсте под Лондоном, куда сбежала к нему и его мадам с «царственным отпрыском». Вернулись из изгнания Флуранс и Бланки, вернулись Варлен и кумир Франции Виктор Гюго. В субботу, через пять дней после провозглашения Республики, ей попала в руки афиша, где вернувшийся на родину пэр и академик Франции обращался к наступавшим на Париж бошам:

«Ныне я говорю: немцы, если вы будете упорствовать, что ж, вас предупредили, действуйте, продвигайтесь, штурмуйте стены Парижа. Они устоят вопреки всем вашим бомбам и митральезам. А я, старик, я тоже буду там, хоть и без оружия. Мне пристало быть с народами, которые гибнут, мне жалки те, что с королями, которые убивают!»

Луиза чрезвычайно жалела, что не знала о дне прибытия Гюго, не смогла встретить! Но она навестит мэтра и будет счастлива пожать его руку.

И еще один праздничный день с фанфарами, громом оркестров и барабанов, с тысячами знамен, с охепками осенних астр, которые восторженные парижане бросали под копыта белого копя генерала Трошю на Больших бульварах, на площади Согласия и Елисейских полях, где он принимал парад Национальной гвардии. О, их набралось уже четверть миллиона, верных сынов Парижа, готовых отдать жизнь защите родного города!

Тогда они казались Луизе непобедимыми, и именно в тот день она вступила в Национальную гвардию. Школа и девочки могут подождать, пока она будет бороться и за их, и за свою свободу. Девочки наверстают упущенное, когда над Парижем и Францией перестанет парить не только бонапартовский, но и германский орел — хищные птицы, терзающие народы так же, как некогда орел терзал прикованного к скале Прометея.

А вот и обратная сторона медали: восемнадцатого сентября, через две недели после провозглашения Республики, под Парижем появились вражеские разъезды: раненый офицер в кафе «Спящий кот» оказался прав. О немцах Луизе и Мари сказал Теофиль: по хлопотливой обязанности журналиста он знал все.

— Вчера в Шатийоне наткнулись на немецкие разъезды, — нервно говорил он. — Да, да! Это были уланы, они скакали к Версалю. А следом за разъездами шли эскадроны... — Теофиль с силой ткнул в пепельницу недокуренную сигару. — И теперь совершенно ясно: пруссаки берут Париж в клещи. Я только что из редакции. Рошфор знает подробности. Армия принца Саксонского обходит Париж с севера, а армия наследного принца Пруссии охватывает город с юга, через Шатийон. Видимо, соединение намечено в Версале — и тогда Париж окажется в кольце! Вот так, миледи!

Совершенно растерянная, Луиза спросила:

— Ну а наши правители? Они же называют себя Правительством национальной обороны!

— А-а! — Теофиль махнул рукой. — В этой своре, может быть, и есть один более или менее надежный человек — Рошфор. Но, кажется, он уйдет в отставку!

— Как?! — одновременно воскликнули Луиза и Мари. — Кто же там останется из наших!

Ферре неопределенно пожал плечами:

— Видимо, никого, мадемуазель! Все «три Жюля» оказались хамелеонами. Со слов Рошфора я знаю, что Эрнест Пикар сказал, что сопротивляться нужно только из чести, но всякие надежды на победу тщетны! Элегантный Адольф Кремье заявил, что пруссаки ворвутся в Париж играючи, а шеф генерального штаба Трошю повторил, что защищаться — безумие! Вот так, дорогие!

— Но ведь это предательство! — закричала Луиза. — Они обещали защищать Париж, а не предавать!

Ферре через силу усмехнулся:

— У нас с вами, Луиза, один Париж, у них — другой. Чей Париж они собираются защищать?

Луиза сидела ошеломленная.

— Значит, что же? Республики пет?

Ферре снова пожал плечами:

— Почему же нет? Есть! Есть буржуазная республика.! Бур-жу-аз-ная! Примерно такая же, какая пришла на смену Луи Филиппу в сорок восьмом!

Луиза смотрела со страхом: за что же пролиты реки крови?

— Но, Тео! — почти закричала она.

— Что — Тео? — снисходительно и ласково, словно ребенку, улыбнулся он. — Разве вы не предвидели всей сложности предстоящей борьбы? Ах, Луиза, нас ждет немало разочарований. И особенно вас! Вы слишком поэт, Луиза, чтобы увидеть пакостную подкладку жизни! Вы видите людей лучше, чем они есть, многое идеализируете. Сознайтесь, вам симпатичен Жюль Фавр?

— Да. А что?

— А то, что по поручению Правительства национальной обороны он отправляется в Ферриер для свидания с Бисмарком! Фавру поручено просить о перемирии! Это что — оборона отечества?!

Луиза осторожно прикоснулась к руке Ферре:

— Что же дальше, Тео?

— А ничего! — неожиданно улыбнулся он, — Просто я предчувствую беспощадную схватку. Совсем недавно Бланки обещал в газете всемерную поддержку правительству. А вот посмотрите, что теперь пишет наш Старик.

Теофиль достал из кармана номер «Отечество в опасности», развернул и прочитал, подчеркивая слова:

— «Париж настолько же неприступен, насколько мы были непобедимы! Париж, обманутый хвастливой печатью, не знает, как велика опасность! Париж слишком доверчив...» — Он сложил газету. — И что же? Пруссаки под Парижем, пятнадцать его фортов под обстрелом врага, а правительство не в силах или не хочет сопротивляться. Чего же ждет и долго ли будет ждать Париж?! Вы можете ответить на мой вопрос?

После этого разговора Луиза провела трудную, почти бессонную ночь. В ее полудремоту врывались кошмарные видения, где она сражалась с ожившими позолоченными орлами, когтистые, крыластые и кривоклювые чудища налетали на нее со зловещим свистом, а она была одна, хотя чувствовала: где-то рядом, неподалеку — Теофиль. Спасаясь, она бежала по обрызганному кровью ромашковому полю, страдая оттого, что не может найти Тео...

Утром, наскоро позавтракав, Луиза побежала к Андре Лео.

— Андре! — закричала она прямо с порога. — Мы не имеем права сидеть сложа руки!

— Что же ты предлагаешь?

— Организовать женские батальоны для защиты Страсбурга! Потребовать у правительства перебросить нас через прусскую осаду на воздушных шарах!

— Но как организовать такие батальоны? — спросила Лео.

— Я ночью придумала! У тебя найдется чистая простыня?

— Конечно!

— Давай! И спустись к консьержке. У нее наверняка есть банка какой-нибудь краски. Хорошо бы красной. Мы напишем на нашем знамени: «Парижанки! Защитим Страсбург!» И пойдем с ним на площадь Согласия, к статуе Страсбурга! Убеждена, что тысячи женщин пойдут за нами!

Подумав, Лео с сомнением покачала головой.

— О нет, Луиза! Нам двоим это вряд ли удастся. Необходимо, чтобы нашему примеру последовали другие: Натали Лемель, Аня Жаклар, Мари Ферре, Эжени Реклю...

— Ты, как всегда, права, Андре, — сразу же согласилась Луиза. — Мы пройдем с нашими знаменами по Латинскому кварталу, по всем варленовским «котлам», всюду, где собираются женщины...

Так во второй половине того дня на площади Согласия они собрали тысячи женщин, готовых идти на защиту героического Страсбурга, осажденного еще в середине августа. До сих пор, несмотря на жесточайшую бомбардировку, полусожженный и разрушенный город не опускал перед врагом реющего на башенных флагштоках французского флага.

У подножия беломраморной статуи, символизирующей Страсбург, Андре Лео положила стопку чистых листов бумаги. Первыми на первом аисте стояли подписи Андре Лео и Луизы Мишель. Наивные, они полагали, что, если созданный ими добровольный женский батальон не прорвется сквозь кольцо прусской блокады, правительство перебросит их через линию фронта на воздушных шарах, которые изготавливаются на Орлеанском вокзале под наблюдением астронавта Дюрофа. Утверждали, что именно таким путем выберутся из Парижа члены правительства для формирования новых армий — Луарской, Северной и других.

Очень скоро Луиза поняла, сколь романтически иллюзорной была их затея, но в те часы они пылали энтузиазмом и верой, еще не зная, что и «три Жюля», и генералы Трошю и Винуа заняты совсем другим: любой ценой погасить революционное пламя, охватившее нищие и обездоленные кварталы Парижа...

День был солнечный, яркий.

Когда к полудню десятки бумажных листов покрылись тысячами подписей, огромная толпа женщин с развевающимися самодельными флагами двинулась по улице Риволи к Ратуше. Пожалуй, еще никогда Луиза не испытывала такого ликования, — ее умиляла ветхая красная кофточка, привязанная к зонтику взамен флага, сияющие лица окружавших ее спутниц. Все наполнилось воодушевлением, страстью, верой, которые, как казалось Луизе, невозможно ни задуть, ни убить.

На Гревской площади, провожаемые пением «Марсельезы», Андре и Луиза поднялись по каменным ступеням Ратуши.

Безликий и равнодушный чиновник в казенном мундире, на котором орластые имперские пуговицы были срезаны и заменены случайными, выслушав, жестом пригласил их следовать за собой и провел в большой зал, где стояло около десятка скамеек. Так же молча показал на одну из скамей и удалился. Изумленные Андре и Луиза услышали, как железно звякнул поворачиваемый в замке ключ.

Переглянувшись, бросились к запертой двери и забарабанили кулаками.

— Бесполезно, мадам! — устало сказал позади насмешливый голос. — Я заперт здесь со вчерашнего вечера и не могу добиться, чтобы меня выслушали.

— Так это что же? Арест? — запальчиво крикнула Луиза.

— Понимайте как угодно, мадам!

— Но мы пришли сюда от имени тысяч парижанок, мы требуем!

— Ах, оставьте! — чуть раздраженно прервал Луизу молодой человек в студенческой тужурке. — Уважаемые члены правительства непрерывно заседают, им некогда заниматься пустяками.

Луиза, а за ней и Андре Лео подошли к студенту, присели рядом с ним.

— А вы-то зачем здесь? — спросила Лео. — Кто вы?!

— О, я просто слушатель Сорбонны, фамилия моя, если вам угодно знать, Сенар. Мы вчера устроили обструкцию «Фигаро», где печатают подлую чушь! Меня задержали национальные гвардейцы и приволокли сюда.

— Национальные гвардейцы? — возмущенно переспросила Луиза.

— Да. Разве вам неизвестно, мадам...

— Мадемуазель...

— Прошу прощения, мадемуазель! Разве вам неизвестно, что 106-й батальон, состоящий из буржуазных молодчиков Сен-Жермена, — надежнейшая опора генерала Трошю? И уверяю

вас, почти все батальоны Национальной гвардии, нанятые в центре Парижа, ничем не отличаются от бретонских мобилей, зуавов и тюркосов. Я не понимаю лишь одного, почему самозванное правительство набирается нахальства именовать себя республиканским?!

Их продержали взаперти не менее трех часов. К несчастью, окна зала выходили на внутренний дворик, и Андре с Луизой не могли сообщить посланным их парижанкам, что произошло.

Луиза была не в состоянии усидеть на месте, вскакивала, принималась колотить кулаками в дверь и со все возрастающей ненавистью прислушивалась к царившей в здании тишине. И когда наконец дверь распахнулась и на пороге, сопровождаемый армейскими офицерами, появился плотный брют в мундире полковника, Луиза набросилась на него:

— Какое вы имеете право держать нас взаперти, милостивый государь?! Мы явились от имени тысяч парижанок, вот их подписи. Вы видите?! — Она потрясла перед лицом полковника исписанными листками. — Мы требуем вооружить женские батальоны и отправить на помощь осажденному Страсбургу, если ваша хваленая армия бессильна его освободить!

Поморщившись, полковник отступил от Луизы, бесцветные глаза оставались равнодушными.

— Какое вам, сударыня, дело до падения Страсбурга, если вас там нет? — спросил оп.

— А разве Страсбург пал?! — изумленно крикнула Лео. — Вы сказали...

— Ничего подобного я не говорил! — сердито оборвал полковник. — И вообще, не ваше дело, мадам, соваться, куда не положено! Нас десятки лет учили военному искусству, и мы не позволим всяким...

— Мы вам не всякие! — перебила Луиза. — Нас послал Париж! Мы требуем кого-нибудь из членов Правительства национальной обороны! А вы — грубиян, вы — хам, мосье! Вас, видимо, научили воевать так же, как только что воевал под Седаном маршал Мак-Магон, как сражается в Меце Базен? Вы посмели оттолкнуть руку Джузеппе Гарибальди! Вы позволили пруссакам осадить Париж и ничего не делаете...

— Если вы, мадам, будете продолжать в том же духе, я велю отвести вас в префектуру как агента пруссаков! — пригрозил полковник, злобно щурясь. — Вы — шпионка! А что касается Гарибальди, то позвольте сообщить вам, что он прибывает во Францию и будет командовать добровольческим корпусом, или так называемой Вогезской армией.

Лицо полковника пятнами покраснело, офицеры за его спиной стояли навтыжку, готовые исполнять любые приказания. Луиза повернулась к Лео:

— Пойдем, Андре! Нам в этой «республиканской» казарме делать нечего!

Когда вышли на залитые солнцем ступени Ратуши, мобили и национальные гвардейцы с номером «106» на кепи выпроваживали с Гревской площади женщин, которые пришли сюда

с Луизой и Андре.

— О боже мой! — негромко сказала Лео, останавливаясь на ступеньках Ратуши. — Неужели Страсбург пал? Не могу поверить!

Но это оказалось правдой. Именно в этот день обескровленный, горящий и голодный, набитый тысячами раненых Страсбург, не дождавшись помощи извне, сложил оружие, сдался на «милость» победителя...

Итак, считавшиеся неприступными восточные крепости Франции пали одна за другой: Седан, Туль, Страсбург. В кольцевой осаде — Бельфор, Не-Бризак, Мец. Блокада намертво стиснула горло Парижа, и лишь почтовые голуби да воздушные шары Дюрофа не дают порваться ниточке, связывающей столицу Франции с остальным миром.

Оскорбленные происшедшим в Ратуше, Андре и Луиза отправились в мастерскую Курбе: там всегда полно журналистов, а ведь необходимо, чтобы Париж узнал, как подло растоптало правительство патриотический порыв парижанок.

Да, «салон» Курбе, как и обычно, шумел; после четвертого сентября мастерская вообще превратилась в клуб.

— Сукины дети! — решительно изрек Курбе, выслушав рассказ Луизы, — Но я, право, не удивился бы, если бы из Ратуши вас отправили прямо в Мазас или Шерш-Миди! Ваше место там, сударыни! Полагаю, что паши друзья Марото, Верморель и Феликс Пиа позаботятся, чтобы через их газеты парижане узнали об очередной гнусности правительственного дерьма!

Снова заговорили все разом, размахивая трубками и сигарами. В эту минуту в мастерской и появились Рауль Риго и раскрасневшаяся Мари.

— Вот, друзья, что необходимо пароду! — крикнул Риго и швырнул на стол пачку листов. — Сейчас это расклеивается по всему Парижу!

Множество рук потянулось к воззванию, где крупно выделялось: «Всеобщее ополчение! Ускорение вооружения!»

Под революционным призывом Луиза увидела подписи Флуранса и Варлена, Тридона и Валлеса, Ферре и Риго, Жаклара и Лефрансе. Но Курбе, прочитав прокламацию, недовольно покрутил головой.

— В сем документе есть крупнейший недостаток! — заявил он Риго. — Под ним нет подписи Гюстава Курбе! Необходимо исправить вопиющую оплошность!

Схватив из вазы кисть, Курбе ткнул ее в красную краску на палитре и расписался внизу листа.

— Так выглядит куда убедительнее! — провозгласил он, отшвыривая кисть. — Вы хлопчете о вооружении, сударь, а известно ли вам, что Флуранс, потребовавший для своих батальонов десять тысяч шаспо, бесполезно ржавеющих на военных складах, получил отказ? Ведомо?!

— Ведомо, мэтр! — поклонился Риго. — Мне ведомо еще и то, что армии Австрии и Англии вооружены винтовками Лоренца и Энфилда! Одна старушка Франция пользуется гладкоствольными ружьями шаспо! И с этим музейным оружием мы орал: «На Берлин! На Берлин!» — Риго налил себе пива, глотнул. — «Провидение всегда на стороне больших батальонов!» — любил говорить Наполеон. Но, как видите, и великие полководцы иногда ошибаются! Сейчас у Франции намного больше батальонов, чем у бошей, а она терпит поражение за поражением.

— Это не Франция виновата! — с отчаянием возразила Луиза. — Почему правительство по решается на бой! Париж готов!

Шум и споры у стола продолжались, а Луиза и Лео уединились в уголке мастерской.

— Мы сами обратимся к женщинам, Луиза! — предложила Лео. — Напишем текст и отдадим журналистам. Пусть парижанки прочитают в утренних газетах.

Через четверть часа обращение было готово.

— «Париж бомбардируют! Париж осаждают! Гражданки! Где наши сыновья, наши братья, наши мужья? Многие из них убиты или в плену! Вы слышите громы пушек и звук трубы, зовущей в бой? Враг у фортов Парижа. К оружию! Отечество в опасности!.. Будем готовы защищать наших братьев и отомстить за них! У ворот ли Парижа, на баррикадах или в предместьях — не все ли равно?.. И если у них не хватит оружия — для нас останутся еще мостовые, чтобы градом камней раздавить врагов и предателей!»

Лео прочитала обращение к женщинам Парижа, и все одобрили его, а Курбе с сожалением покачал кудлатой Головой:

— Единственный случай, когда Курбе жалеет, что родился мужчиной! — мрачно пошутил он.

Журналисты переписали текст, чтобы сразу же отнести в редакции.

...Ночью Луиза сидела над своим дневником.

«Да, копыта вражеских коней топчут поля Франции, одна за другой сдаются крепости, сотни тысяч опозоренных пленом наших парней пруссаки угоняют за Рейн, а Париж продолжает держаться. Иногда я помогаю в лазарете, открытом мэром Монмартра доктором Клемансо, и не могу без содрогания видеть покалеченные тела, изувеченные лица. Вот она, Франция, «кричащая от боли»...»

Проснувшись утром, Луиза первым делом взяла ножницы п, стоя перед зеркалом, обрезала падавшие на плечи волосы.

— Что делаешь, Луизетта?! — всплеснула руками Марианна. — Ты с ума сошла!

— О нет, мама. Они мешают носить гвардейское кепи! Когда победим, я отращу, на радость тебе, длиннющие косы!

— А ты все веришь в победу? — с сомнением спросила мать. — Вчера я два часа простояла в очереди за куском конины. Как жить дальше? Говорят, открыт специальный крысиный рынок. Крыс привозят в клетках, и, когда покупатель выбирает себе какую-нибудь, ее пристреливают из маленького пистолета... Ужас! Неужели и нам придется есть такую мерзость?!

— Ну что ты, мама! — почти истерически засмеялась Луиза, — Как ты смеешь не верить «Фигаро», уверяющей, что в парижских парках, в Люксембурге и Булонском лесу правительством Трошю приготовлено для нас двести тысяч баранов, сорок тысяч быков и двенадцать тысяч свиней! Вот чем мы с тобой будем питаться, а ты говоришь о мерзких крысах! Нет, мама, мы не умрем с голоду, пока в Париже хозяйничают доблестные генералы Трошю и Винуа!

— Ах, Луизетта, Луизетта, в какое трудное время выпало тебе жить, родная моя! Как мало радостей в жизни!

— Мама! — возмутилась Луиза. — Я ни на какое другое не променяла бы свое время, пору возрождения Франции!

Швырнув в камин срезанные волосы, надела кепи с номером 61-го батальона, взяла стоявшее в углу ружье.

— А после тира?..

— А потом собрание Комитета бдительности. В госпиталях буржуазных кварталов под красным крестом прячется немало здоровых молодчиков, не желающих защищать Париж.

Луиза щеголяла теперь в куртке и кепи Национальной гвардии, которые ей выдали в мэрии округа, а на старые брюки дяди она нашла красные лампасы. В тире вместе с другими стреляла по фанерным силуэтам Вильгельма и Бисмарка, по изображению Баденге, хотя не раз спрашивала себя: а что же завоевала Франция, свергнув ненавистного Бонапарта?

— А-а! — соглашалась с ней Натали Лемель. — Вместо одних самозванцев на шею Парижу сели другие, вот и все! Они обжираются в ресторане Бребана, а простой народ получает миску лукового супа и сто двадцать пять граммов хлеба!

— А сейчас, Луиза, — предложила после стрельбы Лемель, — давай оставим ружья у меня и отправимся на вершину: ветер дует с востока!

— Да, да!

Забежав к Натали, они затем по улице Лепик поднялись на вершину Монмартра. Именно оттуда должен был взлететь воздушный шар, увозя кого-то из правительства для организации армий, которые смогли бы извне освободить Париж. И хотя это держалось в секрете, к полудню на Монмартре собралась толпа, привлеченная видом огромного желтого шара, который вздувался и покачивался на ветру.

Когда Луиза и Натали пробрались к шару, позади послышались окрики: гвардейцы освобождали путь правительственным каретам. Стоя в величественной позе у подножия своего детища, поджидал пассажиров знаменитый мосье Дюроф. Луиза внимательно всматривалась в лицо астронавта, — он казался ей пришедшим из будущего, последователем легендарного Икара, человеком, осмелившимся бросить вызов самому небу!

Узнав, что на запад полетит Гамбетта, Луиза обрадовалась, почувствовала, что в ней просыпается надежда на скорое освобождение Парижа.

В рискованное путешествие его провожало почти все правительство: Трошю и его первый заместитель Жюль Фавр, многие министры. Охрана из солдат Винуа и гвардейцев 106-го батальона держала ружья «на караул». Когда Гамбетта и молодой астронавт, одетые в зимние шубы, забирались в корзину аэростата, духовой оркестр исполнял победный марш.

Никто не знал, сможет ли Гамбетта возвратиться в Париж — ведь воздушные шары пока строились и надувались только в Париже! Многим провожавшим Гамбетта представлялся героем, да и Луиза с Натали думали так же. Решиться на беспримерный риск во имя спасения родины, взлететь в небо, преодолеть под обстрелом зону осады — на это, действительно, мог решиться лишь мужественный и преданный Парижу человек.

— Ставлю десять франков против одного су, если явится обратно! — произнес глуховатый голос рядом с Луизой. — Все подлецы одним миром мазаны!

Луиза посмотрела: пожилой человек в серой блузе и широких шароварах строителя, простое изрезанное морщинами лицо.

А тот чуть тише продолжал, обращаясь к соседу:

— Только Коммуна, Этьен, принесет нам подлинную свободу!

Луиза порывисто протянула ему руку. Он не слишком доверчиво оглядел ее, но все же ответил на пожатие.

— Вы тоже верите в это?

— О, конечно!

Прозвучали слова команды, и через минуту желтый шар плавно взмыл вверх. Провожавшие махали кепи и шляпами. Шар поднимался быстро и скоро скрылся за низкими, осенними облаками. Повинуясь восточному ветру, направился туда, где подкованные башмаки захватчиков еще не осквернили землю Франции.

И лишь после того как шар скрылся, Луиза увидела возле правительственных карет Виктора Гюго. Он постарел и поседел за годы изгнания; если бы не мощный, навсегда запоминающийся лоб, Луиза не сразу бы и узнала его. А узнав, позабыла обо всем и кинулась к нему, схватила сморщенную, со вздутыми венами руку.

— О, мэтр!

И он узнал ее, хотя последний раз они виделись много лет назад.

— А, Луиза из старого замка Вронкур?! Ваши пламенные письма всегда дышали верой в грядущую свободу!

Гюго прижал Луизу к груди, и она готова была расплакаться от охватившей ее радости: узнал! А он, постояв так, отстранил Луизу и, достав из кармана, протянул ей листок.

— Вот, Луизетта, последнее, что я сочинил! Это воззвание к нашим доблестным партизанам, оно сейчас улетело на шаре мосье Дюрофа. Прочтите на досуге. А сейчас извините, пожалуйста, меня ждет фиакр. У меня сильно болен сын Шарль. Надеюсь, увидимся в свободном Париже!

Гюго направился к своему экипажу, а Луиза вернулась к поджидавшей ее Лемель, и они прочитали обращение знаменитого романиста:

— «Пусть поднимутся все коммуны! Пусть запылают все деревни! Пусть все леса наполнятся громом голосов! Бейте в набат! Пусть каждый дом даст по солдату!.. Вперед, вольные стрелки, пробирайтесь сквозь чащи, преодолевайте потоки, прячьтесь в тени, двигайтесь под покровом ночи, ползите по оврагам, скользите, карабкайтесь, цельтесь, стреляйте, истребляйте захватчиков!»

— О, Натали! Старость и годы бессильны перед могучим талантом! И я верю: его голос поднимет Францию!

А дни шли... Тревоги сменялись надеждами, огорчения — радостями. Еще до осады в Париж вернулись заочно осужденный на ссылку Шарль Жаклар и его Аня, приехал приговоренный к тюрьме Эжен Варлен: четвертое сентября отменило все приговоры Империи.

Особенно трогательной для Луизы была встреча с Аней Жаклар. Аня помнила адрес Луизы и как-то, уже в дни осады, пришла на улицу Удо. Они обнялись со слезами на глазах.

— Ну, рассказывай, рассказывай, Аня! — торопила Луиза подругу, пока Марианна готовила на кухне скудную еду.

— Жили в Женеве тяжело, я так и не смогла подыскать работу, — рассказывала Аня, — Шарль с утра до вечера бегал по урокам. А потом вдруг словно солнце взошло: разгром Бонапарта, революция, республика! О, как мы ликовали! В Лион приехали в день провозглашения там Коммуны. И Шарля сразу же выбрали одним из комиссаров. Ну и тут же их троих, Шарля, Ришара и Андрие, послали в Париж представить Правительству

национальной обороны требования Лиона. А когда они уехали, Коммуну разгромили, Шарлю нельзя было возвращаться!

Обжигаясь, они пили жиденький кофе, Марианна поджарила им по кусочку конины, больше ничего не нашлось.

— Ну, ну! — торопила Луиза.

— Понимаешь, поезда и omnibusы почти не ходили. До Парижа я добралась с невероятным трудом, иногда по полдня шла пешком. И вот наконец я здесь! Ты поверишь, Луизочка, у меня такое чувство, будто вернулась на родину! Как же я рада видеть тебя!

Аня Жаклар горячо и сразу взялась за дела, училась стрелять из ружья Луизы, обмывала и перевязывала в госпитале раненых, работала в женском Комитете бдительности Монмартра, а конец дня проводила в клубах, — по вечерам под клубы занимались многие из церквей. Домой прибегала поздно, но и Жаклар являлся еще позже, его избрали командиром 158-го батальона Национальной гвардии и представителем Монмартра в Центральном комитете округов — дел выше головы!

Ко множеству Луизиных обязанностей в октябре прибавился сбор денег на литье пушек. Потеряв надежду на «Правительство национальной измены», патриоты Парижа кидали в общий котел добытые тяжким трудом франки и су.

— Забирать у нищих последние гроши и швырять в бездонные карманы сталелитейных королей! — возмущался Ферре. — Буржуазные сволочи безмерно наживаются на несчастьях Парижа, а он охраняет их от вторжения захватчиков! Нет, необходимо до основания разрушить сей подлый мир!

Луизу огорчало, что она не каждый день может видеться с Теофилом, а это стало ей так же необходимо, как есть, пить, дышать. Правда, она больше не выдавала себя, своих чувств, ей просто было нужно знать, что он жив и ничто ему не угрожает.

Значительную часть дня Луиза и ее подруги, Мари, Андре и Аня Жаклар, тратили на то, что ходили по улицам из дома в дом, с собрания на собрание, потрясая жестяными кружками: «Жертвуйте на пушки Парижа». Современная пушка в начале осады стоила пять тысяч франков, по эта цена, так же как цены на крысиное и кошачье мясо, все время росла.

Приходилось собирать и на госпитали. Часто по утрам Луиза и кто-нибудь из ее подруг, опоясанные красными шарфами, в сопровождении рослого вооруженного гвардейца отправлялись в поход. Входили в собор, где шла месса. Гвардеец шел посередине, нарочно громко постукивая прикладом карабина о каменные плиты пола, а по сторонам шествовали Луиза и ее спутница с кружками в руках. Начинали с кюре, требуя пожертвовать на оборону Парижа, на помощь раненым. И ни один из слуг господ бога не посмел отказать. За ними раскошеливались и прихожане. В том же сопровождении сборщики ходили по домам богачей, по кафе и ресторанам, по шикарным магазинам. И повсюду брали немалую мзду, — даже ненавидевшие Республику буржуа, смущаясь под грозным взглядом Луизы, опускали в ее кружку монеты и банкноты.

В эти дни Луиза, посланница осажденного Парижа, побывала и у тех, кому поклонялась, — у Гюго и Курбе.

Гюго застала подавленным, удрученным серьезной болезнью сына.

— У меня сердце истекает кровью за Францию, — горько сказал Гюго, когда Луиза объяснила цель своего прихода. — Я пожертвовал пятьсот франков гонорара, полученного за «Возмездие», но вам я охотно отдам все отчисления за постановку «Возмездия» в театре Порт-Сен-Мартен! Правда, часть из них я отдал в помощь литераторам, жертвам войны, остальные — десять тысяч франков — ваши! Вот чек!

— Спасибо от Парижа, дорогой мэтр!

Он с силой потер ладонью огромный, выпуклый лоб.

— Все мы дети Парижа, Луизетта. Извините, меня ждет врач!

А Курбе яростно грохал кулаком по столу и рычал из облаков табачного дыма:

— Никто не смеет сказать, что Курбе прячется за чужие спины. Я лейтенант 45-го батальона Национальной гвардии и горжусь этим! Я жертвую лучшую картину в лотерею, деньги пойдут на отливку пушки: «Курбе. Оборона Парижа!» А сейчас я прочитаю вам мое письмо художникам Германии!

В мастерской воцарилась тишина.

— «...Немцы! Идите своей дорогой!.. Как вам не стыдно! Разве вы не видите, что ваша затея противна духу нашей эпохи? Дорогие зарейнские друзья, признаюсь, что вы были мне симпатичны, и редко где я так смеялся, как в Германии. У вас много пива. У себя дома вы великолепны!.. Здесь мы едим мясо взбесившихся коров, непригодных к службе лошадей, ослов, и я уже не знаю, что еще. Так мы дойдем до крыс, кошек. Но мы будем держаться, хотя бы нам пришлось стать каннибалами. Уйдите, прошу вас!»

— Сие на воздушном шаре я отправил в Германию, — пояснил Луизе Курбе, вставая. — Выпьем за победу над завоевателями, друзья! А теперь — до вечера! Гюстава Курбе в Лувре ждут его соратники по Комиссии искусств: Клод Моне, Франсуа Милле и другие мастера кисти, чья жизнь посвящена правде и пароду! Вам известно, мадемуазель, что мэтр Курбе ныне восседает в Лувре в кресле своего личного врага, мерзавца графа Ньюверкерка? Надо додуматься: такая свинья управляла искусством. Позорище! Сегодня будем решать вопрос, когда свергать Вандомскую колонну, гнусный памятник деспотизму и рабству!

Высокая волна народного гнева захлестнула Париж тридцать первого октября, когда стало известно, что маршал Базен сдал Мец, крепость, укрепленную куда основательнее, нежели Париж, сдал, располагая огромной армией, насчитывавшей около ста семидесяти тысяч человек. С такими силами необходимо было любой ценой вырваться из кольца блокады и идти на помощь Парижу. Именно так понимали парижане долг Базена!

— О, если он посмеет вернуться во Францию, мы его повесим как предателя! — на все лады повторялось в тот день всюду.

В то же утро Париж узнал, что войска Трошю, ценою огромных жертв овладевшие два дня назад деревней Бурже северо-восточнее Парижа, за линией его фортов, вчера снова уступили ее пруссакам из-за преступной беспечности генералов.

И третье, что услышал в то злосчастное утро Париж: из длительного вояжа по столицам европейских держав вернулся Адольф Тьер, вымаливавший у властителей Европы содействия в заключении наименее позорного для Франции мира с Вильгельмом. То, что Тьера беспрепятственно пропустили через зону осады, само по себе наводило на мысль о тайном сговоре между осаждавшими Париж и теми, кто только что клялся не отдавать «ни одного камня» его крепостей. После коротенького совещания с правительством Тьер, этот карлик Футрике, отправился в Версаль, ставший штаб-квартирой германского генерального штаба, договариваться с Бисмарком и Мольтке об условиях перемирия. И это в то время, когда весь Париж требовал: «Никакого перемирия! Никакого мира! Сражаться до последнего!» Теперь-то ничто не могло избавить Трошю, Тьера, Фавра и всю клику от клейма «национальной измены».

Стало известно и то, что Мец капитулировал четыре дня назад, двадцать седьмого октября, когда газета Феликса Пиа «Борьба» впервые сообщила об этом. Но тогда правительство, зная о капитуляции, натравило обманутые толпы на редакцию газеты и призывало к убийству Феликса Пиа и сотрудников как прусских шпионов. Редакцию и типографию разгромили, и только чудом никто по был убит: по счастью, в здании в час погрома никого по оказалось. Ну не верх ли подлости и вероломства?! О, сколько бранных и гневных слов было сказано перед сообщением, трусливо расклеенным ночью по стенам Парижа. В нем сообщалось:

«Г. Тьер прибыл сегодня в Париж и тотчас же отправился в министерство иностранных дел. Он представил правительству отчет о своей поездке. Благодаря впечатлению, произведенному в Европе сопротивлением Парижа, великие нейтральные державы: Англия, Швейцария, Австрия и Италия — сошлись на общей мысли. Они предлагают воюющим сторонам перемирие, целью которого будет созыв Национального собрания». Афишу эту подписал один из трех ненавистных парижанам Жюлей — Жюль Фавр.

Париж волновался с утра. Еще ночью у театра «Жимназ» на многотысячном митинге раздавались голоса, требовавшие свержения правительства и провозглашения Коммуны. Рано утром делегаты двадцати округов приняли решение о свержении правительства. К полудню огромные толпы осаждали Ратушу, где продолжали заседать ненавистные народу правители под охраной солдат Винуа и гвардейцев буржуазных батальонов. Луиза, конечно, тоже была там, вместо со всеми кричала: «Долой перемирие!» и «Да здравствует Коммуна!»

Штурм здания начался, когда на Гревскую площадь прискакал во главе своих стрелков Гюстав Флуранс. Оставив вооруженных стрелков на набережной, Флуранс бесстрашно прошел сквозь охрану, перед ним расступались и офицеры и солдаты, так велико было обаяние его имени и страх перед ним.

Появление Флуранса вдохновило толпу. И вот — растерявшаяся охрана оттиснута, человеческая лавина хлынула на мраморные лестницы Ратуши, вверх, до самого Парадного зала, где заседало правительство.

Когда Луиза оказалась в зале, она увидела, что растерянные и побледневшие министры застыли вокруг огромного стола, а по столу, опрокидывая чернильницы, ходил, сверкая синими глазами, Флуранс.

Людская волна притиснула Луизу к столу, по ту сторону которого Трошю злобно кричал Лефрансе, известному республиканскому журналисту.

— Как вы смеете так разговаривать со мной?! И кто вы такой?!

Лефрансе отвечал со спокойной и презрительной ненавистью:

— Я народ, который пришел, чтобы вышвырнуть вас отсюда! Вы — банда изменников!

Лефрансе вскарабкался на подоконник, сорвал с шеи красный галстук и, размахивая им, кричал, обращаясь к площади:

— Правительство низложено! Да здравствует Коммуна!

Ворвавшиеся в зал стрелки Флуранса оттеснили Трошю и министров в угол, в то время как Флуранс записывал выкрикиваемые из толпы имена: до выборов Коммуны предстояло создать временное правительство. Сотни голосов выкрикивали имена тех, кому народ верил и готов был вручить судьбу Парижа:

— Бланки! Флуранс! Гюго! Делеклюз! Лефрансе! Пиа! Рошфор!

С великим трудом Луизе удалось пробраться к своим: за взлохмаченной головой Риго разглядела улыбающееся лицо Мари. Встав рядом, она кричала вместе со всеми, и в ряду имен повторяла и самое дорогое ей имя. Ну разве не такие честные и преданные революции люди, как Ферре, призваны управлять страной?

Когда в зале немного стихло, она тронула рукой плечо Теофиля:

— Значит, Париж не будет сдан?

— Пока мы живы — нет!

Да, тогда они непоколебимо верили. Но пока народ в валах Ратуши и на Гревской площади ликовал и праздновал мнимую победу, ускользнувший боковым ходом Трошю поднимал враждебные Парижу рекрутированные в провинции полки Винуа и буржуазные батальоны Национальной гвардии.

Людские толпы с пением «Марсельезы» расходились с Гревской площади, разнося по Парижу долгожданную весть: временное правительство, называвшее себя Комитетом

общественного спасения, составляло первые обращения и декреты. Казалось, ничто не остановит победной поступи свободы!

С каким высоким чувством гордости за родной город, с какими радужными надеждами заснула в эту ночь Луиза! И хотя спать легла полуголодная, ей спились легкие и светлые сны. Луиза твердо верила: в ближайшие дни вооруженный рабочий и студенческий Париж разорвет душившее город кольцо блокады и прогонит пруссаков с родной земли!

А утром, чуть свет, ее разбудила заплаканная Аня Жаклар.

— Что, Аня? Что-нибудь с Шарлем?

— Ему пришлось скрыться. Уже арестованы Лефрансе, Пиа, Верморель.

— Да кто же посмел арестовать? Ведь у нас новое...

— А-а! — со слезами на глазах перебила Аня. — Они...

— Они... Этих сволочей нужно было перестрелять там же, в Парадном зале Ратуши! — вскричала, появляясь на пороге, Мари, — а не отпускать под честное слово! Сейчас видела Тео, он тоже скрывается от ареста, просил, чтобы я предупредила Рауля.

— Да как же так? — все еще недоумевала ошеломленная Луиза.

— Теофиль прав: все губит паше прекраснодушие, ваша дурацкая доверчивость! — продолжала Мари, размахивая шляпкой. — Мы все с ликованием разошлись, а Ратушу оцепил 106-й буржуазный батальон полковника Ибоса. Позднее солдаты Винуа по подземным ходам из Наполеоновских казарм проникли в здание. Выключили газ и в темноте окружили всех наших, кто там оставался. Теофиль вне себя: снова начнутся аресты и суды! И вот увидите, говорит он, Бланки и Флуранса могут приговорить к смерти! Как же, вооруженное восстание, попытка захвата власти!

— Но теперь... они же наверняка пустят пруссаков в Париж! — горько бормотала Луиза, лихорадочно одеваясь. — Совершенно ясно: они боятся народа, боятся дать ему оружие, боятся Коммуны! Но им не удастся запугать нас! Тео прав: только мертвыми мы откажемся от борьбы!

Вскоре Луизе пришлось испытать «прелести» тюремного житья-бытья. Случилось это промозглым декабрьским днем, когда с низкого неба сорился снег с дождем и на улицах было мерзко и тоскливо.

Спускаясь с Монмартра по рю Бланш, Луиза увидела у хлебной лавки толпу взволнованных женщин. Оказалось, что распродан весь хлеб. Толстоусый и толстобровый лавочник грубо выпроваживал женщин на улицу, они упирались, бранились и требовали на своп талоны хлеба. Некоторые пришли с детьми, — истощенные, с серовато-восковыми лицами, они с плачем цеплялись за юбки матерей.

Подходя, еще издали, Луиза слышала:

— Накорми же детей, бессовестный!

— Где наш хлеб?!

— Третий день не ели!

За эту осадную зиму Луиза повидала множество бедняцких жилищ, где было съедено все, до последнего макова зернышка, — иные, доведенные до отчаяния, пытались варить суп из комнатных цветов.

Конечно, Луиза не могла не вмешаться: она член Комитета бдительности Монмартра! Ее поразил вид крошечного ребенка на руках у девочки, в которой она, всмотревшись, узнала одну из своих бывших учениц. Малыш до того накричался, что лишь сипел, бессильно оттопыривая посиневшие, обметанные губы.

Многие женщины узнали Луизу: она учительствовала в этом округе более десяти лет. И теперь ее окружили, надеясь на ее помощь. С голодной мольбой на нее смотрели сотни глаз.

— Это твой брат, Сидони? — зачем-то спросила она, не зная, что делать.

— Да, мадемуазель Луиза. Это Жан. Он, наверно, умрет... — И, с ненавистью покосившись на запертую дверь, Сидони прошептала: — Говорят, что лавочник прячет наш хлеб, а потом продает втридорога. А Жан...

— Дай его мне! — перебила Луиза и, взяв у девочки ребенка, прижала к груди. Сквозь одеяло почувствовала невесомую хрупкость исхудавшего тела. Шагнула к запертой изнутри двери и властно постучала кулаком. Но в лавке никто не шевельнулся, не отозвался. Она повернулась к женщинам:

— Гражданки! В полицию! Пусть при нас обыщут лавку! Идем! Но кто-нибудь должен остаться здесь, чтобы подлец не успел перепрятать хлеб!

Полицейский участок помещался на площади Бланш, и Луиза повела женщин туда. Она, конечно, знала о запрещении демонстраций, но, возмущенная до предела, не сумела сдержать неистового порыва и, шагая посреди улицы, запела «Марсельезу». Шедшие за ней подхватили. Колонна худых, изможденных и почерневших от голода женщин выглядела так внушительно, что ажан на перекрестке не посмел их остановить.

Во дворе участка сидели, покуривая, свободные от наряда полицейские, чернели громоздкие тюремные кареты. Последнее время такие кареты разъезжали повсюду.

Знала Луиза и то, что с недавних пор в полицейских участках, по распоряжению Трошю, дежурят жандармские офицеры — «для пресечения преступных политических эксцессов». Каково же было ее изумление, когда жандарм, которого она обнаружила в участке на

площади Бланш, оказался ее старым знакомым. Правда, она его не сразу узнала, лишь тогда, когда он назвал ее по фамилии, она вдруг с необыкновенной ясностью вспомнила ночной арест Теофиля у ресторана «Чердак». Ну конечно же именно этот голос пообещал ей: «До скорой встречи, мадемуазель!»

А жандарм узнал ее с первого взгляда и рассматривал с язвительным, удовлетворенным прищуром.

— Я вижу, мои предсказания сбываются, мадемуазель Мишель?! — иронически протянул он, постукивая сигареткой по ногтю большого пальца. — Несмотря на предупреждения, вы не прекращаете преступной деятельности? Да-а?.. Ну что ж...

Луиза с трудом проглотила подступивший к горлу комок.

— Извольте выслушать, милостивый государь! Что творится в подчиненном вам районе?!

Он слушал равнодушно, а когда Луиза замолчала, пренебрежительно бросил:

— Знакомые песенки под диктовку пруссаков! Посеять панику и вызвать недовольство — вот ваша задача? Да? Молчите! — Он поднялся из-за стола, скрипя ремнями амуниции. — Мадам и мадемуазель! Возвращайтесь к магазину. Я немедленно пошлю туда наряд, и вы убедитесь, что хлеба действительно нет. Обещаю распорядиться, чтобы привезли. Не поддавайтесь на провокации, будьте истинными патриотками. Париж в осаде, и все мы обязаны ограничивать себя...

— По вашей шее видно, как вы себя ограничиваете! — зло бросила Луиза.

Жандарм впился в нее ненавидящим взглядом.

— А вас, мадемуазель Мишель, я посажу под арест и заведу на вас дело по обвинению в подстрекательстве к мятежу! Вы давно у меня на примете, и нам надоели ваши фокусы! Может быть, длительная разлука с преступными сожителями пойдет вам на пользу.

— Да как вы смеете, негодяй?!

— Смею, мадемуазель! Вот когда суд упечет вас на два-три месяца в Мазас...

— Плевала я и на суд, и на Мазас, и на все тюрьмы! — яростно кричала Луиза, стуча кулаком по столу. — Я не боюсь вас, трупные черви правительства измены!

— Еще оскорбление! Посмотрим, любезная, что запоете через недельку-другую карцерного режима. Вы арестованы! Взять!

...Однако предсказания жандарма не сбылись: не закончив следствия, на третий день после ареста он был вынужден освободить Луизу. Провожая ее до ворот тюрьмы, он признался со злобной усмешкой:

— Если бы за вас хлопотали лишь бандиты вроде Ферре и Риго, мы с вами не расстались бы так скоро, мадемуазель! Скажите спасибо мировой знаменитости, академику и пэру. Но как-нибудь мы и до великого Гюго доберемся, попомните мое слово! Ему снова придется бежать из Франции с чужим паспортом! Маловато, видимо, двадцати лет изгнания...

Луиза не ответила, но у нее сразу стало теплее и светлее на душе: значит, вот кому она обязана свободой!.. Так началось для нее первое знакомство с казематами парижских тюрем, первое, но не последнее.

Для Парижа наступили такие тяжелые месяцы, каких город не переживал, вероятно, со дня основания, когда он еще именовался Лютецией, и в те времена, когда в нем хозяйничали римские легионеры. Даже в годы владычества англичан в пятнадцатом веке парижане не испытывали подобного...

Стояла небывало холодная для Парижа зима, в январе термометр по ночам показывал до пятнадцати — восемнадцати градусов мороза. В рабочих округах города кончились запасы угля и дров, из-за нехватки газа улицы по ночам не освещались, и Париж погружался в непроницаемый мрак. Лишь взрывы прусских бомб изредка озаряли безлюдные, а когда-то живые, веселые улицы.

В конце декабря Мольтке отдал артиллерии приказ регулярно бомбардировать Париж. От прусских ядер и бомб больше всего доставалось рабочим окраинам — Бельвиллю, Ла-Виллет, Монмартру, Батиньолю. То и дело вспыхивали пожары, иногда в огне погибали целые семьи! Не десятки, а сотни раз Луиза помогала тушить такие пожары, с риском для жизни вытаскивала из огня детей, больных, стариков. В эти дни она не раз вспоминала крупновскую пятидесятитонную пушку, показанную три года назад на Всемирной выставке.

Да, не только голод и холод, но и прусская артиллерия вырывала у Парижа тысячи жизней; в официальных сообщениях приводились цифры смертности. Через три месяца осады земля парижских кладбищ принимала еженедельно около четырех с половиной тысяч трупов! В три с лишним раза больше, чем за одну неделю сентября!

В одном из дневников Луиза записала тогда: «Хлеба с каждым днем становится так мало, что правительство распорядилось ввести паек, хлеб продается по талонам. Крысы давно стали съестным, а задняя собачья нога почитается роскошным блюдом! Дети умирают от холода и лишений в объятиях матерей, а иногда и вместе с ними!»

И все же Париж не хотел перемирия, не принимал мира, того позорного мира, к которому его так старательно подталкивали Трошю, Тьер, Винуа и иже с ними. Эти трое своим лицемерием и подлостью вызывали у Луизы наибольшее презрение: Трошю несколько раз, повторяя слова Жюля Фавра, публично клялся, что не сдаст «святых камней Парижа», а сам отваживался лишь на мелкие вылазки, которые неизбежно завершались гибелью нескольких сот гвардейцев! А Винуа, эта усатая гадина, бывший в годы бонапартовского переворота тюремщиком в Ламбессе, закопавший в прокаленную алжирскую землю тысячи патриотов Франции, сейчас тоже рядился в тогу героя.

Рабочий Париж давно не верил им, лил на последние гроши пушки, надеясь с их помощью отстоять свободу. Каждый день десятки новых пушек привозили с заводов на Монмартр и Бельвиль, — именно с их холмов можно обстреливать пруссаков, если они попытаются штурмовать Париж.

Благодаря Рошфору, официально подавшему в отставку, но продолжавшему бывать в Ратуше и Бурбонском дворце, тайны «правительства национальной измены» почти немедленно делались достоянием Парижа. Новое восстание становилось неизбежным! Призрак Коммуны снова вставал над Парижем во весь рост! Но пока восстание созреет и наберет силу, пройдут еще многие и многие дни — время, мало чем отличавшееся от «долгой ночи Империи», время лишений, голода, холода, непрерывных бомбежек, тысяч и тысяч смертей!..

В то зимнее утро Луиза проснулась затемно, быстро оделась, зажгла свечу. Причудливые папоротники леденели на стеклах окон, пар от дыхания облаками вырывался изо рта. Как и в предыдущие дни осадной зимы, Луизе предстояло хоть немного обогреть дом. Постучав к консьержке и попросив у нее топорик, почти бегом спустилась на бульвар Клиши, где уже перестукивался не один десяток топоров и тяпок. Нарубив охапку кустарника, вернулась домой, растопила железную печурку в спальне матери. Камин в своей комнате уже давно не топила.

Вскипятив воду, выпила чашку кофе.

— Ох, Луизетта, Луизетта! — вздохнула мать, кутаясь в капот и присаживаясь к печке, распространявшей по дому сладостное тепло. — Когда же кончатся наши страдания? Что говорят в ваших клубах, в мэрии округа, в Ратуше?

— Все беды кончатся, мама, когда прогоним шайку иуд и провозгласим Коммуну! Трошю и Фавры вовсе не собираются оборонять Париж, они мечтают повыгоднее продать его пруссакам да сохранить себе министерские портфели. О, как я их ненавижу, предателей! У них нет за душой ничего святого. Вчера мэр Монмартра Жорж Клемансо сказал мне: чтобы удушить воинственный пыл республиканских батальонов, Трошю и Винуа мучают их изнуряющими маршами. Представьте себе, Луиза, сказал он, вчера батальоны Монмартра проделали семичасовой круговой поход. Гвардейцы прямо валились с ног от усталости! Ну не предательство ли?! О, с каким наслаждением я их душила бы!.. Ну, я побежала, ма! Не выпускай кошек и Финеттку, их поймают или пристрелят...

— Ты поздно вернешься?

— Как всегда. Много дел, мамочка! Сейчас — тир и госпиталь, потом — редакции, потом собрание в клубе «Справедливость мира», потом надо забежать в клуб зала Перо, где председательствует Теофиль.

В комнате потеплело, «заплакали» окна, сквозь тонкие льдинки просвечивал синий морозный день. Чмокнув мать в щеку, Луиза сбежала по лестнице.

Да, день, как и всю неделю, стоял морозный, под потами сухо скрипел выпавший ночью снег. Заиндевелившие деревья были похожи на сказочные привидения. Прохожие спешили, уткнув носы в поднятые воротники и шарфы.

Спускаясь с Монмартра, Луиза издали услышала лязг железных колес по булыжнику, цокот копыт, крики: на вершины Монмартра везли народные пушки. Лошади оскальзывались на промерзшей мостовой. Десятка два добровольцев, мужчин и женщин, вцепившись в литые пушечные колеса, подталкивая лафеты, выбиваясь из сил, везли орудия в гору.

И Луиза конечно же впряглась, хотя прокаленный морозом металл даже сквозь перчатки обжигал руки. И вместе со всеми покрикивала на лошадей, над крупами которых дымился пар.

— Давай, милые! Давай! — кричал черноусый фонарщик, которого Луиза не раз примечала на собраниях в клубах Монмартра. — Мы пушечками с одной стороны, генерал Бурбаки и Гамбетта с другой, о, мы зададим пруссакам жару!

Подъем кончился, лошади пошли легче. Луиза заторопилась в госпиталь, но тут увидела имя, отлитое на покрытом инеем стволе орудия: «Курбе». Поспешно сделала еще десяток шагов за пушкой, чтобы полностью прочесть надпись: «Курбе. Оборона Парижа. Декабрь 1870 г.».

Чем ближе к госпиталю, расположившемуся в фойе театра, тем быстрее шла Луиза, почти бежала, боясь, что не застанет в живых Анри Фонэ, молоденького журналиста, работавшего в «Пробуждении» Делеклюза. Тяжело раненный осколком бомбы, с забинтованным опаленным лицом, он умирал мужественно. Анри не мог видеть Луизу, но сразу чувствовал ее появление и протягивал ей руку.

— Вы пришли, милосердная Луизетта?

— Да, Анри! Я здесь.

— Какие новости?

— Сейчас все расскажу, Анри. Но сначала помогу с перевязками.

Сделав необходимое, Луиза вернулась к койке Анри. В отличие от других сестер, работавших в госпитале, Луиза во второй половине дня обегала десяток редакций и узнавала все, что можно было узнать.

Она примостилась в ногах Анри, и все раненые повернулись к ней. Говорила она громко, чтобы могли слышать во всех углах зала.

— Так вот, друзья! По пути сюда я купила для вас те утренние газеты, где пишут правду, я оставляю их, кто сможет, прочтает остальным. А пока расскажу вам лишь самое главное. Вчера наши гвардейцы атаковали оборонительные укрепления, прикрывающие Версаль, овладели редутом Монтрету, парком Бюзенваль и частью Сен-Клу. Были большие потери. Но

Трошю, испугавшись, что патриоты зашли слишком далеко, приказал отступить! И батальоны поняли, что их посылали в бой с единственной целью — пожертвовать ими. И как подтверждают газеты, один из полковников Трошю нагло заявил: «Ну что же, мы сделаем Национальной гвардии еще одно кровопускание!»

Крики негодования заставили Луизу прервать рассказ, она опустила на колени руку с газетами и молча смотрела на тесно стоявшие койки, на искаженные болью и гневом лица.

— Палачи! Изменники! — повторяли кругом.

На соседней с Анри койке пожилой гвардеец, потерявший в бою за Бурже обе руки, плакал навзрыд.

— Может быть, это жестоко, что я говорю вам такую горькую правду, но иначе я не могу! Париж должен знать, где коренится измена!

— Вы правы, сестра, — прошептал Анри.

— Главнокомандующий Трошю тоже не раз говорил о «кровопускании», о том, что готов пожертвовать и двадцатью, и тридцатью тысячами жизней, чтобы убедить парижан в необходимости перемирия, а потом, конечно, и мира!

И снова Луиза с минуту пережидала шум. И продолжала:

— Под Бюзенвалем и Монтрету гибнут тысячи наших смелых парней, земля Франции заливается французской кровью, а что происходит в это время на той стороне, в стане врага?! — Она чуть повременила. — 18 января 1871 года в Зеркальной галерее Версаля на голову короля Пруссии Вильгельма возложена корона императора Германии. Под эгидой Пруссии теперь объединились почти все зарейнские княжества и земли! И это коронование происходит на земле Франции в тот самый час, когда в ее землю закапывают лучших ее сынов!

Луиза почувствовала, что не может больше говорить. А сосед Анри, потрясая забинтованными обрубками, все спрашивал неведомо кого:

— Кто накормит моих несчастных девочек?!

Луиза крепко зажмурилась, с трудом удерживая слезы, постаралась взять себя в руки.

— Однако я слышу стук колес под окнами, — сказала она. — Вероятно, из «Мармите» прибыл завтрак! Сейчас покормим вас, наших героев!

Разнося суп, кормя с ложки безруких, Луиза с горечью повторяла себе: «А ведь ты не сказала им самого страшного! Но этого и нельзя говорить, нельзя отнимать у них веру в победу!»

Вчера поздно вечером, когда она выступала в клубе Монмартра «Справедливость мира», разнесся слух о разгроме трех новых армий, созданных усилиями Турской экспедиции и Леона Гамбетты на не занятой пруссаками части Франции. Утверждали, будто армия Шанзи понесла тяжелое поражение на севере, в районе Руана, армия Федерба разбита под Сен-Кантенем, а армия генерала Бурбаки разгромлена под Бельфором. Если все верно, исчезала последняя надежда на помощь осажденному Парижу извне!

— Но учтите, Луиза, — предупредил ее чуть позже Теофиль, — слух может оказаться провокационным! Но если правда, что армия Бурбаки откинута от Бельфора на юг, боюсь, что она вынужденно перейдет границу Швейцарии и будет интернирована и разоружена!

В госпитале Луиза пробыла до обеда.

Выпрыгнув из omnibusа на набережной Сен-Бернарда, она услышала выстрелы, доносившиеся со стороны зоологического сада. Здесь, в самом центре Парняга, не могло быть никаких боев: прусские войска удерживались за линией внешних фортов. Кто же и с кем сражается?

Пробежала до высоких кованых ворот и тут поняла, что стреляют на территории парка.

Привратника у входа не было, и она, никем не задержанная, помчалась по центральной аллее, которая вела к главным павильонам. С первого своего приезда в Париж она полюбила этот живописный уголок, хотя ей было больно смотреть, как томятся в неволе загнанные за решетки свободолюбивые и могучие звери.

Выстрелы доносились из глубины парка, и Луиза побежала на эти звуки.

Нет, она не могла поверить! Вокруг вольеры, где содержались слон Жак и слониха Жанна и их трогательно-добродушный отпрыск Мушан, стояли национальные гвардейцы 106-го батальона и стреляли в беззащитных животных.

Она, разумеется, не сразу поняла, что, для того чтобы убить слона из шаспо, необходимо обязательно попасть ему в глаз: пуля гладкоствольного ружья не могла пробить толстую слоновью шкуру. И упитанные молодчики из буржуазного батальона, соревнуясь, стреляли по беззащитным мишеням, стараясь угодить именно в глаз. Гогот и смех сопровождали каждый неудачный залп, а слоны, напуганные стрельбой, растерянно топтались посреди вольеры, вздымали хоботы и тревожно трубили.

Чуть в стороне от стрелявшего гвардейского строя метался, рыдая, седой директор зоопарка мосье Прано.

Луиза бросилась к лейтенанту батальона:

— Что вы делаете, мерзавцы?!

Но бравый лейтенант надменно отстранил Луизу:

— Я выполняю приказ губернатора, генерала Трошю, мадам! Животные не кормлены неделю, и им предстоит подохнуть от голода. Они режут день и ночь, мешают спать! Так что приказ генерала лишь акт милосердия и по отношению к животным, и по отношению к людям! И прошу не мешать мне, мадам! Целься вернее, братцы!

Луиза бросилась к старику Прано:

— Мосье Прано! Да что это? Остановите их!

Седой старик беспомощно развел руками:

— Мадемуазель Мишель! Мы не получаем корма для зверей второй месяц! Они обречены. А их мясо может спасти несколько сот детей и раненых! И не говорите мне больше ни слова, мадемуазель! Я схожу с ума!

Вцепившись руками в седые волосы, Прано побежал прочь, а Луиза кинулась за ним. Он вбежал в свой кабинет и упал в кресло у письменного стола. На стенах кабинета висели фотографии животных: слоны, львы, тигры, жирафы.

— Что же делать, мосье Прано?! — спросила Луиза, сдерживая слезы. — Надо телеграфировать Трошю, надо добиться отмены варварского приказа!

Прано только покачал головой:

— О, мадемуазель Мишель! А видите, как они подышают с голоду, думаете, легче? Париж ежедневно хоронит пятьсот — шестьсот человек, умирающих от голода! Мы скормили животным все, что могли. Вчера умер лев Голиаф! Я дал бы отрубить себе руку, если бы это могло спасти его! О, у вас, наверно, есть пистолет, мадемуазель Мишель, вы же боец Национальной гвардии. Дайте мне его ради бога, чтобы я мог уйти на тот свет вместе с моими питомцами! Дайте же!

И Луиза вдруг опомнилась. Она почувствовала себя сильнее рыдавшего перед ней старика и по-матерински положила ему на плечо руку.

— Успокойтесь, мосье Прано! После победы Коммуны мы купим у Гагенбека самых лучших зверей и создадим зоопарк, которого еще не видел мир! А сейчас, может быть, и правда это мясо спасет сотню человеческих жизней! Действительность жестока, мосье Прано, и у нас пока нет сил преодолеть эту жестокость. Возьмите себя в руки. Нам, видимо, предстоит еще не раз увидеть смерть дорогих и близких, мы должны быть готовы к тому, чтобы стоять у их могил! Пойдемте, я провожу вас домой!

— Мой дом здесь, мадемуазель Мишель! Мой единственный сын убит под Седаном, а мою дорогую Генриетту я отвез на кладбище две недели назад. Все, что осталось у меня, — здесь, и это гибнет на моих глазах. Нет, я по хочу больше жить!

— Будьте мужчиной, мосье Прано! Вам здесь нельзя оставаться. Пойдемте к нам, у нас пустует комната мадемуазель Пулен, вы будете жить там.

Старик горестно покачал головой:

— О нет, мадемуазель Мишель! Я как солдат: не могу покинуть свой пост, как бы тяжело мне ни было.

Все же Луизе удалось немного успокоить Прано. Заставив себя не смотреть в сторону вольер и клеток, где продолжали греметь выстрелы, она побежала к воротам... «А может быть, ты не имеешь права покидать несчастного? Вдруг он накинет петлю себе на шею? — Она остановилась, оглянулась на окна кабинета, в одном из них увидела силуэт согбенной мужской фигуры. — Да нет, мысль о будущем зоопарке Парижа, который мы создадим при Коммуне, конечно же утешила его. Ведь опять появилась цель жизни».

В просторном зале Бурдон, освещенном газовыми рожками и десятками свечей, тесно и душно. Колеблющееся пламя отбрасывает на стены и потолок причудливые тени ораторов. На смену капитану Монтелю, призывающему немедленно взяться за оружие, поднимается столяр Шоссевер, требующий реквизировать у буржуа все продовольствие и разделить его между погибающими от голода. Затем член Центрального республиканского комитета Национальной гвардии Брандели призывает ударить в набат с колокольни ближайшей церкви Сен-Поль и начать возводить баррикады, без которых не обходилась ни одна французская революция.

Пляшущие отсветы пламени и уродливые тени на стенах напоминают Луизе офорты Гойи. Она здесь не одна, а с неразлучными подругами — Мари и Аней Жаклар, побледневшей и осунувшейся: ее Шарль третий месяц сидит в самой страшной тюрьме Парижа — Консьержери — и неизвестно, выйдет ли оттуда живым... Все трое с нетерпением ждут выступления Теофиля Ферре.

И вот ножевыми лезвиями вспыхивают над трибуной, обтянутой красным бархатом, знакомые стекла пенсне. Черные волосы Теофиля растрепаны, словно он только что вырвался из драки. Зал гудит неутихающим прибоем, по Ферре стучит кулаком по кафедре, и зал постепенно стихает.

— Больше четырех месяцев прошло после Седана, а мы все говорим, говорим, говорим! А враги не спят! Трошю поклялся не сдавать пруссакам Париж, и он не собирается сдавать его сам. Он хочет сдержать свое подлое слово, он уходит в отставку, и его заменяет Винуа. Но генералы Курти и Бертен де Во уже получили приказ в случае восстания Парижа оставить позиции, где они сдерживают пруссаков, и идти на нас. Жандармерия генерала Мальруа наготове. Частям генерала д'Эксеа приказано ударить по Бельвиллю с тыла. Париж в двойной осаде, в двойной западне, а мы занимаемся словоизвержениями, от которых не подохнет ни одна крыса! За всю тысячелетнюю историю Франция не переживала такого позора, как коронация завоевателя в самом сердце страны, рядом с Парижем!

Луизе кажется, что от шквала криков обрушится потолок и рухнут стены, а Теофиль, сложив по привычке на груди руки, стоит и ждет.

— Что же ты предлагаешь, Ферре? — пробивается сквозь шум голос Брандели.

— Взять приступом тюрьмы, освободить политических, а завтра штурмовать Ратушу, провозглашать Коммуну!

Нет, зал Бурдон, да, наверно, и ни один из залов Парижа, никогда не слышал такой бури, такого обвального грохота аплодисментов, таких криков. И Луиза в эти минуты, больше чем когда бы то ни было, убеждена, что именно ее Теофилю будущая республика вверит свою судьбу. Аня, не вытирая слез, обнимает то Луизу, то Мари.

— Значит, Шарль сегодня будет свободен! Какое счастье! Какое счастье!

Через десять — пятнадцать минут собравшиеся в зале Бурдон расходятся колоннами в разные стороны: одни направляются к тюрьме Мазас, другие — к Консьержери, третьи — к Сент-Пелажи. Все верят в близкую победу.

Одушевленная, как никогда, шагает по ночным улицам Луиза. Вот и исполнилась ее мечта, рядом с Теофилом она идет сражаться за будущее свободной Франции, чувствует плечом его плечо.

Теофиль весел, оживлен, близость опасности придает ему уверенность и силу. Он то и дело смеется, блестя и ночной полутьме зубами. К удивлению Луизы, он останавливает встречные колымаги ночных извозчиков, поворачивает их к тюрьме Мазас.

— Зачем, Тео? — недоумевает Луиза.

— А пусть тюремщики думают, что с нами пришла артиллерия! Нагоним на них страху...

Да, колеса гремят по булыжным мостовым с угрожающим грохотом, точь-в-точь — подъезжают пушки, готовые разнести в щебень и пыль тюремную цитадель. И перепуганные и застигнутые врасплох тюремщики сдаются: Флуранс, Бауэр, Эмбер, Дюпа и Мелье выходят из ворот Мазаса. Снова пылают факелы, и трепещут в их свете самодельные знамена — красные рубашки и шарфы. Снова — ощущение близкой победы.

А утром...

Холодный сырой день. Вот-вот начнется не то дождь, по то снег. Все мокро: и мостовые, и стены домов, и афиши, расклеенные на столбах и оградах. Луиза и Натали Лемель с шаспо на плече спешат к Ратуше, — именно там сегодня решится судьба Франции. Серый фасад Ратуши, увенчанный статуями великих людей нации, угрюм и неприступен, сквозь стекла окон поблескивают штыки и оружейные дула, — там забаррикадировались «бретонцы», мобили Трошо. Их, пожалуй, не выкурить оттуда даже залпами орудий.

Подходя со своим батальоном к площади, Луиза видит на балконе углового дома на улице Риволи Делеклюза, Артюра Арну и других, — условлено, что именно оттуда они будут наблюдать за штурмом Ратуши и руководить им.

Час штурма настал, но на площади появляются лишь те батальоны, которыми командуют люди с площади Кордери: Бенуа Малон, Виктор Клеман с маршевой ротой, Ферре с

национальными гвардейцами Монмартра, Дюваль, Серизье, Сапиа... Флуранса с его десятью тысячами гвардейцев нет! Он, видимо, решил защищать родной Бельвиль, не хочет принимать участия в общей схватке, не веря в успех. Как это не похоже на неистового Флуранса! Неужели последняя тюрьма сломала несгибаемую волю этого человека, убила его решительность и дерзость?!

До двух часов дня ждут сигнала к штурму собравшиеся перед Ратушей батальоны. Окна Ратуши ощерены штыками и ружейными дулами. Наконец помощник мэра Парижа Шодэ нагло заявляет республиканцам:

— Коммуна — пустое слово! Париж более не может сражаться, перемирие неизбежно! А ваш мятеж мы подавим силой! Мы приготовились к встрече с вами!

И затем — стрельба из окон Ратуши. Убитые и раненые. Снова на камнях Гревской площади — кровь. Повстанцы вынуждены отступить. Луиза, скрежеща зубами от бессильной ярости, последней отходит в рядах своего батальона, грозя Ратуше судорожно сжатым кулаком... Еще одна попытка восстания подавлена, еще одна надежда погребена!

А вечером повстанцы Трошю и Винуа, в окружении внушительного конвоя, расклеивают по городу распоряжения правительства: закрываются все клубы, запрещаются газеты «Призыв» Делеклюза и «Борьба» Пиа, удваивается количество военных судов, всякий «сеющий вражду и смуту» будет немедленно судим по законам военного времени. У редакции «Призыва» и «Борьбы» дежурят вооруженные митральезами мобили и солдаты Винуа...

На следующее утро, со слов Рошфора, Теофиль рассказывал сестре и Луизе, что вчера, после побоища перед Ратушей Жюль Фавр посетил в Версале Бисмарка и за обедом жаловался ему на парижскую «чернь», разграбившую его загородную виллу. И Бисмарк якобы посоветовал ему:

— А вы напрасно боитесь мятежей, любезный! Спровоцируйте мятеж сами, пока у вас есть армия для его подавления. А то ведь после заключения перемирия мы ваши линейные части разоружим! Вот тогда-то вам придется худо!

— Да, теперь снова ждать и провокаций, и арестов, и смертных приговоров, — заметил Теофиль. — Опять большинству из нас уходить в подполье и оттуда вести борьбу с самозваной сволочью... А перемирие они с пруссаками обязательно заключат и все свои объединенные силы бросят против Парижа.

И, как всегда, Ферре оказался прав: к вечеру двадцать восьмого января прусские батареи прекратили варварский обстрел Парижа, а на следующий день город узнал об условиях перемирия. Врагу сдаются все четырнадцать фортов, окружающих город, казалось бы, неприступной стеной, передаются пушки на крепостных валах и редутах, войска разоружаются и считаются военнопленными. И лишь Национальная гвардия сохраняет оружие.

— На это наши подлецы не отважились, — говорили парижане. — Они знают, что мы не отдадим ни шаспо, ни тесаков, ни пушек, отлитых на кровные рабочие су...

Луиза ходила словно обезумевшая, все ей стало немило, казалось, весь горизонт заволокло черными тучами и смерть распростерла над городом зловещие крылья. И все же она принимала участие во всех попытках протеста, которыми осажденный город выражал негодование против позорной капитуляции. Маршировала в манифестациях под лозунгом «Не отдадим фортов!», целые дни проводила в кафе «Дез-Эмисфер» на бульваре Вольтера, где обосновался республиканский штаб, была вместе с другими в набат в церкви Сен-Лоран, стучалась в двери бедняцких домов и призывала к оружию. Но на душе было темно и пусто: сейчас, когда пруссаки и «герои национальной измены» объединились против Парижа, надежды на победу почти не осталось. Ах, если бы провозгласили Коммуну, сколько бы сердец снова воспламенилось и надеждой, и жаждой борьбы!

Марианна совсем извелась, глядя на почерневшую от горя Луизу, пыталась утешить и успокоить ее.

— Да ведь не все потеряно, доченька, — повторяла она, поглаживая Луизу по коротко остриженным волосам. — Ты же сама говоришь, что в новое Национальное собрание, которое будет подписывать мирный договор, выдвинуты такие прекрасные люди, как Гюго, Гарибальди, Делеклюз, Рошфор, Пиа, Малон. Может, им удастся что-то сделать!

Луиза в ответ сокрушенно качала головой.

— Ах, милая моя старенькая мама. Опять ты ничего не понимаешь! Таких, как Гюго и Гарибальди, в Собрании окажется десять — двадцать человек, а всего в Собрании более семисот. И я согласна с Тео, в большинстве будут буржуа и монархисты, те, кто еще недавно обожал Бонапарта, а ныне поклоняется Трошю, Тьеру и всей этой своре. Они подпишут мир с Вильгельмом и Бисмарком на любых условиях, лишь бы задушить революционную республиканскую Францию. Вот увидишь!

И все же она с нетерпением и тайной надеждой ждала вестей из Бордо, где заседало вновь избранное Национальное собрание. Она еще надеялась на чудо...

Тайком, украдкой по вечерам изредка встречалась с Теофилом и, бродя по ночным улицам и набережным, слушала его с жадностью и доверием. Теофиль вынужден был скрываться от ареста, ходил в заношенной рабочей блузе и картузе, в черных очках, днем показываться где-нибудь ему было невозможно. Скрывались и Флуранс, и Бланки, многие бежали за границу или томились по тюрьмам.

Когда Мари приносила Луизе коротенькие записочки Ферре, Луиза, надев мужской костюм, поджидала его поздно вечером в укромном, безлюдном уголке.

Как-то в середине февраля они встретились возле одной из ветряных мельниц на вершине Монмартра, и Теофиль, помахивая тростью, которую стал носить для самозащиты, рассказал ей о том, что происходит в Бордо.

— Как мы и предполагали, Луиза, это так называемое Национальное собрание оказалось сборищем толстосумов. На первом же заседании они не дали слова Гарибальди, освистали его, и он покинул Собрание, чтобы никогда туда не возвращаться. Подают в отставку возмущенные этим Гюго, Делеклюз, Рошфор, Пиа, Малон... А ведь каждый из них получил более двухсот тысяч голосов! Председателем органа исполнительной власти избран карлик Футрике — Тьер. О нем хорошо сказано, что это чудовище, в котором сконцентрирована вся классовая испорченность буржуазии, — он же отличался подлостью и жестокостью еще при Луи Филиппе. Чего же нам-то ждать от своры?

С неба падал редкий невесомый снег, падал и туг же таял. Париж был погружен во мрак, лишь кое-где сквозь жалюзи светились окна.

Теофиль подвел Луизу к скамейке под деревьями, отряхнул с нее полую пальто подтаявший снег.

— Посидим.

Ферре достал дешевую сигарку. Огонек спички на секунду осветил его худое, с обветренными скулами лицо, потрепанный картуз, дешевый шарф, прикрывавший бороду.

— Снимите очки, пожалуйста, — попросила Луиза. — Они делают вас неузнаваемым.

— Затем и куплены! — Он удивился ее просьбе, но очки сиял.

— Ну а что же с мирным договором? — спросила Луиза. — Каковы условия?

— Самые гнусные! Пять миллиардов контрибуции и аннексия Эльзаса и Лотарингии! Распродают Францию, мерзавцы!

— По в Париж пруссаки не войдут!

— В том-то и дело, что войдут. Займут западные кварталы, пока не будет внесен первый взнос контрибуции.

— Но мы не пустим! — почти закричала Луиза. — Национальная гвардия перебьет их, как...

— Ах дитя вы, дитя! — горько усмехнулся Теофиль. — Что это может изменить? Только еще несколько ручьев крови омоют многострадальные мостовые Парижа...

Пригасив сигарку о край скамейки, он встал:

— Однако мне пора. Я ведь бездомный пес. Необходимо позаботиться о ночлеге. Я не могу дважды ночевать в одном месте, не могу подводить...

— Так идемте к нам! — с живостью перебила Луиза. — У нас пустует комната Пулен.

Она не видела в темноте лица Теофиля, но почувствовала, что он улыбается.

— Благодарю, но это исключено, Луиза! Я не могу ставить вас под удар.

— Где же вы будете спать?

— Пока не знаю. Найду. У меня много знакомых рабочих, которые пока вне подозрения. — Он помолчал, а потом добавил: — Но я верю, что нам с вами еще придется сражаться на баррикадах.

— Я была бы счастлива, Теофиль!

— А пока — будьте благоразумны и берегите себя. Мы еще понадобится Франции. Ибо кучка проходимцев, стоящих у власти, это не Франция!

— Берегите и вы себя, Тео! Вы, как никто, нужны будущей революции. Кстати, ведь если патруль проверит ваши документы...

— Э, тут все в порядке! — успокоил ее Ферре. — У меня в кармане документ, удостоверяющий, что я — Шарль Жийе, так что патруль мне не страшен.

Луизе хотелось поцеловать Теофиля, но она только сильно пожала его руку и с бесконечной тревогой долго смотрела ему вслед.

Клубы закрыли по распоряжению властей, но клубами стали каждое кафе, каждый кабачок, каждая площадь. Слух о предстоящем вступлении пруссаков в Париж поднял на дыбы рабочий и студенческий Париж, большинство готовилось встретить захватчиков с оружием и булыжниками в руках. Пользуясь перемирием, богачи покидали город; груженные сундуками и кофрами фиакры, ландо и экипажи непрерывным потоком текли к воротам Пасси, Сен-Клу, Мюэтт, их провожали ненавистью и улюлюканьем.

Целые дни Луиза проводила на улицах, не могла высидеть дома и часа. Вокруг Елисейских полей и Пасси, куда должны были вступить прусские полки, по приказу командования Национальной гвардии спешным порядком возводились валы и баррикады.

Луиза читала воззвания Центрального комитета, и противоречивые чувства охватывали ее. Казалось невыносимым пережить неизбежный позор, а трезвый голос повторял и повторял — словами Ферре, Валлеса и других, — что сопротивление в таких условиях равносильно массовому самоубийству.

Три дня и три ночи, возвращаясь домой лишь затем, чтобы успокоить мать, Луиза вместе с другими парижанами работала на возведении баррикад, окружающих Елисейские поля, и с горечью вспоминала, как совсем недавно здесь осыпали цветами парад Национальной гвардии. Как, кажется, давно это было, словно тысячелетия назад!

— Ты знаешь, Мари, — сказала она как-то сестре Теофилю, — если бы не мама и если бы не вера в возмездие, я одна со своим шаспо наперевес бросилась бы им навстречу: лучше смерть, чем опозоренная жизнь!

Мари вздохнула:

— Да разве ты одна думаешь так, Луизетта?! Но... Вот посмотри, что пишет Жюль Валлес в своей повой газете «Крик народа», вчера мне передал ее Тео.

Луиза развернула истертый на сгибах газетный лист.

— «Чему поможет уничтожение тридцати тысяч пруссаков? Соппротивление пойдет только на пользу реакции. Республиканцы должны беречь свои силы до более благоприятного времени. Реакция хочет задушить нас руками пруссаков...»

Луиза опустила газетный лист на колени, на глазах ее блеснули слезы.

— А мы-то так надеялись, так верили!

— Прочитай еще вот здесь, — показала Мари.

— «Всякое выступление только подставит народ под удары врагов революции — германских и французских монархистов, которые потопят в море крови все его социальные требования... Говорят, что смельчаки решили двинуться по улицам навстречу победителю и преградить ему путь. Честь тому, кто готов умереть в эти дни горчайшего позора! Но никто не видел, чтобы матрос мог остановить прилив, и самоубийство отнюдь не оружие сильных... Республиканец, не стреляй завтра! Не стреляй, потому что они, безусловно, хотят, чтобы ты начал стрелять... И не давай себя убить, отчаявшийся герой, когда тебе предстоит еще столько трудов и столько добрых дел, когда рядом со скорбной родиной шагает революция...»

Дальше Луиза читать не могла. Заплакала навзрыд, прижавшись лицом к плечу Мари.

— Если бы я не верила Раулю и Тео, я тоже, наверно, впала бы в отчаяние, — сказала Мари, нежно поглаживая ее по остриженным волосам. — Но они не теряют ни надежды, ни веры. Они убеждены, Луиза, что вот-вот из-за кромешных туч выглянет наше солнце.

— Ах, Мари, Мари! Мы ждем этого всю жизнь!

Эти дни они работали рядом и с ненавистью ждали полуночи первого марта, когда предполагалось вступление в город пруссаков. В ту ночь весь Париж, от древних стариков до шестилетних мальчишек, толпился на валах и баррикадах.

Но завоеватели, видимо, побоялись вступать в полузавоеванный город среди ночи: их могли встретить и пули шаспо, и картечь митральез, и лавина камней, обрушенных на их головы с крыш. И лишь после восхода солнца, блестя островерхими касками, под Триумфальной аркой и обтекая ее с обеих сторон, вступили на Елисейские поля полки торжествующих бошей. Развевались знамена, увенчанные орлами и сверкающие золотыми кистями, картинно и лихо гарцевали на упитанных жеребцах офицеры, парадным гусиным шагом маршировала пехота.

— О, как же я их ненавижу! — говорила Луиза стоявшим рядом Мари и Андре Лео. — Я готова на любые пытки, на любую мученическую смерть, если бы это могло остановить их!

Вступающие в город завоеватели начистились до зеркального блеска, улыбками и торжественным самодовольством сияли лица, лихо торчали стрелками вверх так называемые «вильгельмовские» усы. Вот так же, наверно, вступали когда-то на улицы Лютеции римские легионы, так же шествовали победной поступью английские штурмовые колонны. Сколько же тебе пришлось перенести, Париж, самый свободолюбивый, самый прекрасный город мира!

Нет, Луиза не могла вынести до конца это зрелище, не могла видеть, как усатые, тупомордые вояки, срывая ветви с лавровишневых деревьев, сооружают из них венки и венчают ими свои каски. Но и убежать не имело смысла, зрелище национального несчастья и позора настолько врезалось в память, что его, наверно, невозможно было вытравить оттуда ничем и никогда.

Толпа парижан, стеной стоявшая на валу и баррикадах, окружавших Елисейские поля, молчала, не прозвучал ни один выстрел, не был брошен ни один камень. Но эта немая стена ненависти, встречавшая армию вторжения, была грознее любых криков неистовства и негодования.

Всадники расседывали коней, пехотинцы составляли пирамидами винтовки, расстилали в тени платанов скатерочки и принимались праздновать — на покоренной земле, в завоеванном городе. Блестели на солнце бутылки и фляги, офицеры стучались в наглухо запертые двери домов. Но лишь одно кафе распахнуло перед завоевателями зеркальные двери. И как Луиза узнала назавтра, ночью бомба превратила это кафе в груды развалин...

Ни раньше, ни потом, в мучительные дни тюрем и ссылки, Луиза не горевала так, как в эти дни. Все, все давило ее горло: и воспоминание о Шарле Демаи, и о детских играх в революцию, и о девочках ее класса, которым она с такой гордостью рассказывала о Жанне д'Арк; и мечты о свержении тирании и о свободной Франции. Представлялось, что наступил конец света, конец всему, доброму и чистому. И она, вероятно, не нашла бы в себе силы пережить эти часы, если бы не случайная встреча с Ферре.

Оставив подружек, она брела вдоль баррикадного вала, окружавшего зону оккупации, как слепая, как полубезумная. Неожиданно ее окликнул знакомый голос:

— Луиза!

Она остановилась. Хромая на костыле, к ней шел человек с забинтованной головой, с левой рукой на перевязи — видно, солдат, вернувшийся с фронта, из-под Седана или из-под Меца, согбенный болями калека, — узнать в нем Теофиля Ферре было невозможно. По вот он подошел и легонько прикоснулся к ее руке. И она узнала его.

— Теофиль! Вы?!

— О, нет! Всего-навсего Шарль Жийе, ветеран седанской катастрофы. По счастью, мне удалось избежать плена. Но... о чем вы плачете, Луиза?

— Я не могу этого пережить, Тео!

— А вы возьмите себя в руки, Луиза! Через три дня наше хваленое правительство внесет первый взнос контрибуции, и железные каски исчезнут отсюда навсегда. И не забывайте, что Национальная гвардия не разоружена, именно она является единственной силой, способной защитить наш с вами Париж. Не будем же терять надежды...

В этот момент они услышали, что на валу кто-то свистел и улюлюкал, истерически кричали женщины.

— Что там, Тео?

— Сейчас посмотрю. Подождите тут.

Ферре вернулся через пять минут и с улыбкой удовлетворения пояснил:

— Все в порядке, Луиза. С десятков красоточек с площади Пигаль, парадно вырядившись, заигрывали с немецкими офицерами. Так вот там, на валу, задрав им юбки, их всенародно секут розгами. Неплохо, а? И это, поверьте, добрый знак!

Они пошли дальше, и Ферре задумчиво сказал, кивнув на вал:

— Не это самое страшное, Луиза. Через три дня первый взнос контрибуции будет уплачен, и эти чужаки уберутся из Парижа. А наши останутся. И от них нам пощады ждать не приходится. Флурансу, Бланки и Делеклюзу грозит смертный приговор, и, если Трошю и Тьер вернуться сюда, нам с вами придется стоять над свежими родными могилами. Я напомню вам, Луиза, совет, данный Бисмарком Жюлю Фавру: «Спровоцируйте-ка мятеж, пока у вас еще есть силы для его подавления». И — учтите — тот же Бисмарк сейчас возвращает Версалью тысячи плененных при Седане и Меце... Так что нам с вами дело еще найдется. Однако прощайте, кажется, за мной увязался хвост...

Версия #1

Зверобой создал 23 июня 2025 23:01:30

Зверобой обновил 23 июня 2025 23:02:10